

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 16 АПРЕЛЬ 1983

Ульяновск... Дорогие сердцам миллионов людей места. Высоко над волжской ширью, рядом с домом, где родился гениальный учитель пролетариата Владимир Ильич Ленин, тринадцать лет назад встал Мемориальный музей.

За это время в нем побывали многие сотни тысяч человек из разных уголков нашей страны, со всех континентов земного шара. Герой Социалистического Труда станочник Ульяновского завода тяжелых уникальных станков Н. А. Волков и профессор педагогического института В. В. Благовещенский часто встречаются с посетителями Мемориального музея.

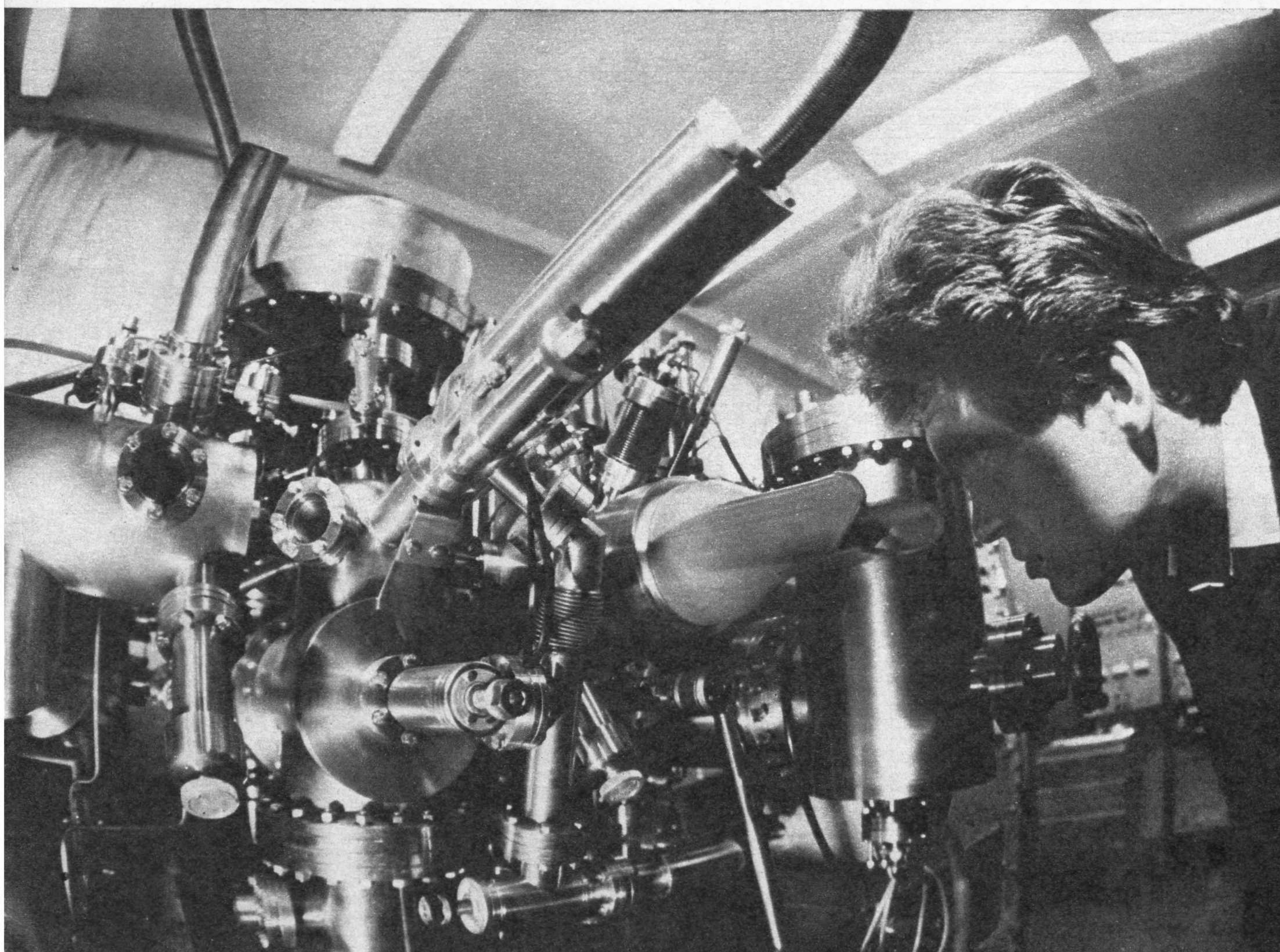
Фото В. Викторова

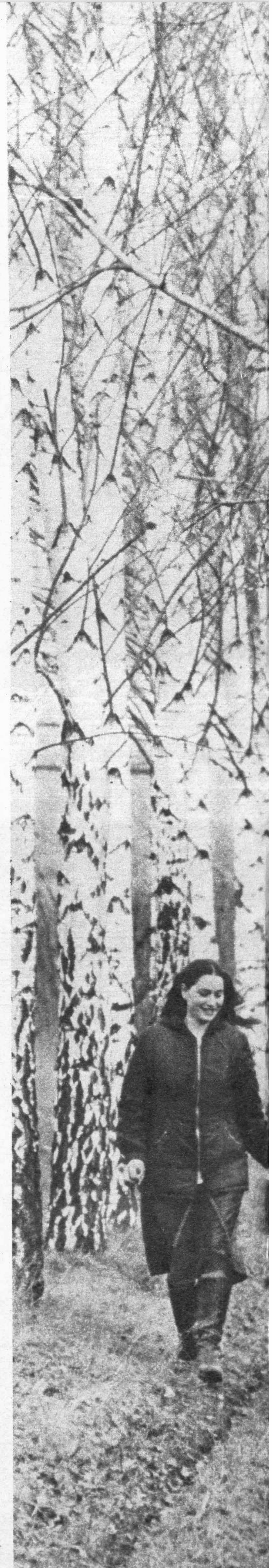
ФОТО НЕДЕЛИ

17 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

В Институте катализа Сибирского отделения АН СССР. Эксперимент в лаборатории металлических катализаторов ведет молодой научный сотрудник А. В. Пашис.

Фото Г. Копосова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 16 (2909)

16 АПРЕЛЯ 1983

В НОМЕРЕ:

З. КРЯКВИНА

Фото Г. КОПОСОВА

В тот вечер супруги Возгрины, Нина и Саша, говорили о самом памятном в их жизни. Саша вспомнил село Меловое, где провел детство, школу, директором которой был в то время его отец, правление колхоза в центре села — туда часто ходила мать, заведующая свинофермой.

— В детстве мне почему-то казалось, что самые уважаемые люди на селе трактористы, что нет более благородного дела, чем труд земплепашца. Отцы и матери наши сеяли, растили, убирали хлеб, и мы, мальчишки, тоже мечтали стать механизаторами. Когда пришла пора выбирать профессию, сомнений не было — крестьянский труд был мне больше всего по душе. Работаю я в Дмитриевском птицесовхозе слесарем-оператором. Предприятие наше, совхоз имени 60-летия Союза ССР, одно из крупнейших хозяйств Курской области. За десятую пятилетку дали стране 169 миллионов штук яиц, двадцать одну тысячу центнеров мяса. И больше всего пришлось на долю моего Килитинского отделения. Первое место заняли мы и по итогам социалистического соревнования прошлого года.

Мать Нины была дояркой. И дочь той же дорогой пошла — решила на зоотехника учиться.

— Сейчас я бригадир-зоотехник кормоцеха. От нас во многом зависит, справится ли наше хозяйство с высокими обязательствами по производству яиц и мяса. Теперь уж на практике овладела многими приемами приготовления корма. А раньше не все получалось как надо. Шла за советом к специалистам, старшим товарищам. Мне попались хорошие наставники — управляющий отделением Иван Григорьевич Полянский, директор Клавдия Ивановна Положенцева. Она особенно много сделала для меня лично и для моей семьи. Укрепила во мне веру в мою способность руководить, самостоятельно решать на своем участке возникающие по ходу дела вопросы, ну, а для семьи — уже через год мы получили в новом доме благоустроенную квартиру...

1

ДЕНЬ СЧАСТЛИВ

2

1

Секретарь Дмитриевского райкома партии А. Д. Молчанов поздравляет Нину Возгрину с вступлением в кандидаты в члены КПСС.

2

Любимый внук.

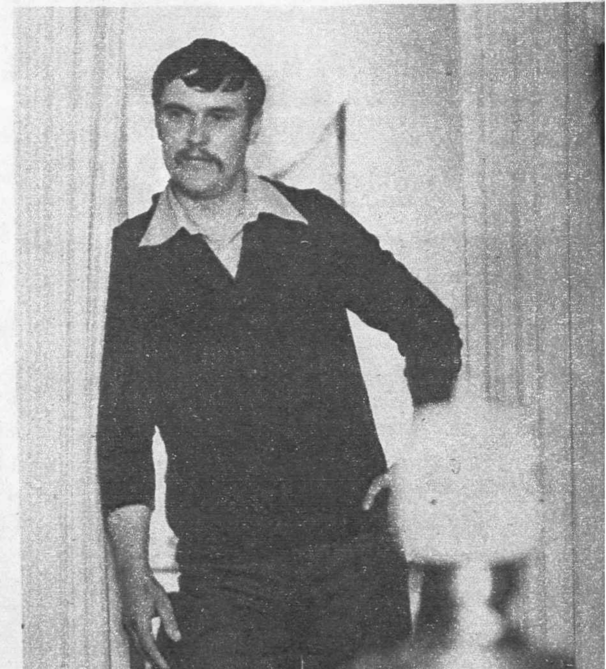
3

Нина и Александр Возгрины.

4

В цехе инкубации.

3

Петр **МАТЮШИН**,
член партии с 1926 года

ОТВЕЧАЕМ ЗА ВСЕ

Вчитываясь в строки постановления ЦК КПСС «О 80-летии Второго съезда РСДРП», я как бы заново прожил и собственную жизнь. Крестьянский сын, я родился в 1907 году в Пермской губернии, потом отец и мать перебрались в Орловскую. Там начинал я свою трудовую жизнь — батраком. В 1920 году вступил в комсомол, а спустя шесть лет стал членом партии, и с тех пор вся моя жизнь связана с КПСС. Я работал и на селе, и на транспорте, и секретарем горкома и обкома, в аппарате Центрального Комитета. Целая жизнь прожита, а день приема в члены партии до сих пор помню в мельчайших подробностях. Кажется, могу дословно воспроизвести, кто что тогда говорил!..

В постановлении речь идет не только об истории построения социализма в нашей стране, но и дается развернутый анализ нашей сегодняшней жизни, перед коммунистами, всем советским народом ставятся новые, очень важные задачи. Не могу не поделиться некоторыми своими мыслями по этому поводу. «Главный итог созидательной деятельности советского народа под руководством Коммунистической партии — построение в СССР развитого социализма,— говорится в постановлении.— Наша страна находится в начале этого закономерного и исторически длительного этапа в становлении коммунистической формации». Мне представляется очень важным и своевременным это определение — «исторически длительного». То есть нельзя пассивно ожидать, что все придет само собой, надо неустанно, изо дня в день трудиться! Благосостояние народа зависит от того, насколько сознательно, увлеченно каждый работает на своем месте. Ничто в жизни, особенно в экономике, в промышленности, не делается сразу. Труд, нелегкий, кропотливый, вдумчивый,— вот одно из слагаемых успеха. Лучше работаем — значит, лучше живем. Спрашивать же каждый должен прежде всего с себя!

Снова и снова приходят на память бессмертные ленинские слова «учиться коммунизму...». В свое время мне приходилось достаточно учиться: в губернской совпартшколе, в Воронежском коммунистическом университете, в аспирантуре этого университета, наконец, в Высшей партийной школе. Но была и другая, не менее, на мой взгляд, важная учеба — у жизни. И главный экзамен здесь — конкретные дела. Опять хочу вернуться в двадцатые годы — годы своей молодости. В Поволжье голод, умирают дети. Мы, комсомольцы черноземной Орловщины, садились на подводы, ездили по селам, стучались в каждую избу, просили людей помочь — дать, кто сколько может, хлеба. Я вспоминаю вереницу подвод, груженных хлебом, отправляющуюся от нашего уездного комитета комсомола на станцию,— вот было конкретное дело! Или взять повсеместную заготовку дров — другое комсомольское занятие той поры. Разруха, страна без топлива: мы с утра до вечера валили лес, пилили и кололи дрова. Хочу сказать, что главным итогом любой партийной, комсомольской работы должны быть конкретные дела. Когда они теряются в бумажной волоките, в лишних словах,— ущерб от этого не только материальный, но и моральный. Особенно для молодых. Я люблю нашу молодежь, верю: ей по плечу многое. Надо пожелать ей стать ближе к жизни, видеть в общественной работе не мероприятие, а живое, конкретное приложение своему уму, своим рукам, своим способностям...

Мне сейчас семьдесят пять лет. О многом мог бы рассказать, но это разговор долгий. Закончу же словами постановления, отражающими, на мой взгляд, духовную суть каждого настоящего коммуниста: «Принадлежность к партии не дает никаких привилегий, а означает лишь более высокую ответственность коммунистов за все, что делается в стране, за судьбы социалистического строительства и общественного прогресса».

Так жили мы, так жить коммунистам и впредь!

О самом памятном в своей жизни Саша и Нина говорили по-разному. Но один недавний день, день, когда их приняли кандидатами в члены партии, назвали счастливым оба.

— Это был большой праздник и для меня и для Нины,— сказал Саша.— Мы стали кандидатами в члены Коммунистической партии. Секретарь райкома партии Анатолий Дмитриевич Молчанов сердечно поздравил нас. Этот день совпал с днем моего рождения — двадцать пять исполнилось. Пришли домой, мама моя, старая коммунистка, радостно встретила нас: «Теперь с вас спросу будет больше...»

И вот мы снова у Возгриных. Дверь открыла Мария Ильинична. Пригласила приветливо:

— Проходите, пожалуйста. Гости на порог — хозяину радость. Располагайтесь поудобнее,— и заспешила на кухню. Вскоре зашумел самовар, Мария Ильинична разлила по чашкам ароматный чай, предложила золотистого меда.

Тихо, уютно в доме, только постукивают часы да внук, Алешка, вслух читает «Айболита», а когда забывает, спрашивает у бабушки: «Как там дальше?» И бабушка приходит на помощь. Мы попросили Алешку спеть нам песенку. «Завтра спою»,— ответил он, насупив белесые брови. И уговорам никак не поддавался.

— Весь в отца,— улыбается бабушка.— Саша тоже таким упрямцем рос. А работать любил до смерти. Бывало, копаем картошку в огороде, так он не успокоится до тех пор, пока всю не выберем. Муж любил с ребятишками заниматься. Четверых вырастили. Старшие сыновья — коммунисты, передовики. И Саша с них пример берет. Приходит как-то с работы и говорит: «Мама, я в партию решил вступить».— «Ты хорошо подумал? — спрашиваю.— Ведь это ответственный шаг». Долго мы в тот вечер с Сашей разговаривали. И вдруг Нина с тем же вопросом. Порадовалась я в душе и говорю невестке: «Ну, уж тогда вместе с Сашей и вступайте...»

...Пришла Нина. Разделась, присела к столу. Речь зашла об отдыхе, досуге.

— Мы часто всей семьей в парке гуляем,— рассказывает Нина.— А когда время отпуска наступает, то чаще всего ездим к моей маме, в Тарасовку на Брянщине. У нее дома работы непочатый край. Неугомонная она, никогда спокойно сама не посидит и другим не даст, всегда найдет, что сделать: то изгородь подправить, то сарай, то с огорода урожай убрать надо, то яблоки да ягоды, выражаясь маминым языком, в дело произвести. Скучать некогда. Но мы не в обиде. Управившись по дому, спешим на речку, рыбу удим, загораем, играем в баскетбол.

А тут и Саша появился.

— Ты чего это задержался? — спрашивает мама.

— Разговор серьезный в цехе был. Постановление ЦК партии «О 80-летии Второго съезда РСДРП» обсуждали. Говорили и об успехах наших и о недостатках. Ну, и о самом главном, что нужны дела, а не громкие слова. А пример коммунисты должны показать.

И как-то сама собой зашла речь о тех задачах, что поставила Продовольственная программа партии перед тружениками села. Немалые планы на одиннадцатую пятилетку у дмитриевских птицеводов: 211 миллионов штук яиц, 23 тысячи центнеров мяса, до 210 тысяч надо увеличить поголовье кур-несушек.

Давно уже наступил вечер, и мы заторопились домой. Но не тутто было. Оказывается, Алешка очень любит гостей и, когда они уходят, готов на все, чтобы их задержать. Так долго кормивший нас «завтраками» Алешка живо прилади свою мандолину и, смешно перебирая крошечными пальчиками струны, спел нам про собаку, и следом, воодушевившись нашими аплодисментами, модную нынче песенку: «Спасите, спасите, спасите, разбитое сердце мое, найдите, найдите... найдите ее...»

ый для двоих

ОБРА
КО ВСЕМУ

Мы обращаемся с этим письмом ко всем людям доброй воли и прежде всего к ученым, поскольку никогда еще так остро не стояла задача сохранения жизни и мира на земле. Все, кто ясно представляет себе реальности нашего времени, понимают, что означает безостановочное накопление смертоносного оружия и создание все новых, все более чудовищных средств массового уничтожения людей. Обеспечение безопасности народов лежит лишь на пути ядерного разоружения посредством серии целенаправленных соглашений, основанных на само собою разумеющемся принципе равенства и одинаковой безопасности.

Однако в своей речи 23 марта 1983 г. президент США предложил американскому народу другой выбор — создание нового гигантского комплекса противоракетного оружия, якобы сугубо оборонительного назначения, размещаемого на земле и в космическом пространстве и обеспечивающего-де полную безопасность для Соединенных Штатов в случае глобального ядерного конфликта.

Основываясь на знаниях, которыми мы, как ученые, располагаем, и, исходя из понимания самой природы ядерного оружия, мы со всей ответственностью заявляем, что в ядерной войне эффективных оборонительных средств нет и создание их практически невозможно.

Это наше мнение полностью согласуется с авторитетным и ответственным заявлением президентов и представителей 36 академий наук различных стран мира, подписанным, в частности, представителями Национальной академии наук США, Королевского общества Великобритании, Академии наук Франции, Академии наук СССР.

В реальности попытка создания так называемого «оборонительного оружия» против стратегических ядерных сил другой стороны, о чем заявляет президент США, неизбежно выльется в появление еще одного элемента, усиливающего американский потенциал «первого удара». Не слу-

Авдуевский В. С., Аганбегян А. Г., Агеев Н. В., Агошков М. И., Александров А. Д., Александров А. П., Алимарин И. П., Алферов Ж. И., Антонов О. К., Амбарцумян В. А., Арбатов Г. А., Арбузов Б. А., Афанасьев В. Г., Багдасарьян Х. С., Баев А. А., Балдин А. М., Бармин В. П., Басов Н. Г., Белов А. Ф., Белоцерковский О. М., Беляев Д. К., Беляев С. Т., Беляков Р. А., Бехтерева Н. П., Блохин Н. Н., Боголюбов Н. Н., Богомолов О. Т., Боресков Г. К., Борисевич Н. А., Боровик-Романов А. С., Бочвар А. А., Браунштейн А. Е., Бреховских Л. М., Бромлей Ю. В., Бруевич Н. Г., Бункин Б. В., Бюшгенс Г. С., Вайнштейн Б. К., Ватолин Н. А., Велихов Е. П., Владимиров В. С., Вонсовский С. В., Воронов А. А., Вул Б. М., Газенко О. Г., Гапонов-Грехов А. В., Гвишиани Д. М., Гиляров М. С., Гинзбург В. Л., Глебов И. А., Глушко В. П., Гольданский В. И., Грушин П. Д., Девятков Н. Д., Девятых Г. Г., Долгоплоск Б. А., Доллежаль Н. А., Дородницын А. А., Дружинин Н. М., Дубинин М. М., Дубинин Н. П., Егоров А. Г., Ениколопов Н. С., Ефимов А. Н., Жаворонков Н. М., Жуков Б. П., Журков С. Н., Заславская Т. И., Зацепин Г. Т., Зельдович Я. Б., Зуев В. Е., Иванов А. В., Ильичев Л. Ф., Имшенецкий А. А., Исанин Н. Н., Ишлинский А. Ю., Кабачник М. И., Кадомцев Б. Б., Канторович Л. В., Капица П. Л., Кедров Б. М., Келдыш Л. В., Кикоин И. К., Ким М. П., Кириллин В. А., Кишкин С. Т., Кнунянц И. Л., Кобзарев Ю. Б., Ковалев С. Н., Колмогоров А. Н., Колосов М. Н., Колотыркин Я. М., Кононов А. Н., Константинов Ф. В., Коптюг В. А., Коржинский Д. С., Коршак В. В., Костюк П. Г., Косыгин Ю. А., Котельников В. А., Кочетков Н. К., Кочина П. Я, Красовский Н. Н., Красновский А. А., Крепс Е. М., Кузнецов В. А., Кузнецов В. И., Кузнецов Н. Д., Кунаев А. М., Курдюмов Г. В., Кутателадзе С. С., Лавренко Е. М., Лаврентьев М. М., Ласкорин Б. Н., Легасов В. А., Леонов Л. М., Ливанов М. Н., Линник В. П., Лифшиц Е. М., Лихачев Д. С., Логунов А. А., Люлька А. М., Магницкий В. А., Макеев В. П., Марков М. А., Марчук Г. И., Мелентьев Л. А., Мельников В. А., Мельников П. И.,

---

17 АПРЕЛЯ —
ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

ДИАЛОГ: Н

Одна из характерных черт советской науки — ее миролюбивая направленность. Она убедительно подтверждена в опубликованном на днях «Обращении ко всем ученым мира», подписанном виднейшими деятелями науки. Этот документ продиктован глубокой профессиональной и человеческой обеспокоенностью ученых, вызванной недавней речью президента США Р. Рейгана.

Ядерное оружие на Земле и в космическом пространстве — огромная опасность. В числе подписавших обращение лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, академик В. С. АВДУЕВСКИЙ, с которым накануне Дня советской науки встретился корреспондент «Огонька».

— Всеволод Сергеевич, в чем вы, как ученый, работы которого во многом связаны с космонавтикой, видите особую опасность создавшейся ситуации?

— В том, что, как написано в обращении, никогда еще так остро не стояла задача сохранения жизни и мира на Земле. Вывод в космос ракетно-ядерного оружия делает человечество абсолютно беззащитным, так как любые современные оборонительные средства окажутся практически бесполезными: скорость и эффективность действия всегда будут выше скорости и эффективности противодействия. Земля в наш век, с приходом космических скоростей, словно уменьшилась в размерах. Любая точка планеты доступна ядерному оружию, установленному на космическом корабле. Уничтожить все живое нетрудно, используя в военных целях достижения науки и техники.

К сожалению, в последние годы курс высшей администрации Соединенных Штатов в освоении космоса становится все более и более милитаристичен. Возьмем хотя бы «Шаттл» — программу космических кораблей многоразового использования. Ее конечная цель — военный контроль космоса. Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов, отвечая на вопросы корреспондента «Правды»,— за последнее двадцатилетие «произошло резкое качественное изменение американских стратегических сил».

А теперь оглянемся и коротко оценим, что сделано советской космической наукой и техникой, направленной на дело познания и мира. Человек вывел на орбиту спутник, а затем поднялся в космос сам. И вот мы теперь, в частности, имеем не военный контроль из космоса, а глобальный контроль метеообстановки, что значительно улучшило подготовку прогнозов погоды. Через космос осуществляется передача телевизионных программ, налажена телефонная и телеграфная связь. С орбиты ведется изучение земных ресурсов...

Доказано, что в космосе, в условиях невесомости, можно получать ценные материалы и вещества со свойствами, недостижимыми в земных условиях. Вывод на околоземные орбиты, за пределы земной атмосферы астрофизической аппаратуры позволил увидеть Вселенную буквально новыми глазами. Межпланетные полеты дали принципиально новые сведения о планетах и природе солнечной системы.

Есть результаты выдающиеся, есть пока непонятые. Но так или иначе, цель у нас всегда одна — познание во благо жизни.

— Какие сегодня основные проблемы и трудности в космических исследованиях?

— Давайте лучше я расскажу о некоторых, не акцентируя «приоритетность» этих проблем. Итак, большинство результатов подводит к мысли о необходимости серьезного совершенствования средств, методов исследований и четкой определенности дальнейших задач. Обратимся, например, к исследованию Земли из космоса, с борта спутников и пилотируемых орбитальных станций. Благодаря этим работам ведется картирование поверхности, сейсмическое районирование, определяются зоны, перспективные на поиск полезных ископаемых, в отдельных случаях прослеживаются рыбные косяки в океанах, обнаруживаются очаги лесных пожаров. И все же это пока только начало. Стоит задача гораздо более полного и глубокого «прочтения» земной поверхности. И проблем здесь достаточно. Одна из важнейших при этом — оперативная комплексная машинная обработка огромного материала, доставляемого из космоса. Нужен богатый информаци-

ЩЕНИЕ

ЧЕНЫМ МИРА

чайно практические действия администрации США сосредоточены сейчас на форсированном развитии именно этого потенциала. Такое «оборонительное оружие» почти ничего не может дать стране, подвергшейся внезапному массированному нападению, поскольку оно явно неспособно защитить подавляющее большинство населения. Использование противоракетного оружия больше всего подходит именно для нападающей стороны, стремящейся уменьшить мощность ответного удара. Однако полностью предотвратить этот ответный удар оно тоже не может.

Таким образом, инициатива президента США, обещающего создать новое противоракетное оружие, ориентирована на явную дестабилизацию существующего стратегического баланса. Своим заявлением президент создает опаснейшую иллюзию, которая может обернуться еще более угрожающим витком гонки вооружений. Мы твердо убеждены, что этот акт приведет к резкому ослаблению международной безопасности, в том числе безопасности и самих Соединенных Штатов. Администрация США демонстрирует крайнюю безответственность в вопросе самого существования человечества.

Сегодня, когда на чаше весов истории лежит будущее наше и наших потомков, каждый ученый, руководствуясь своими знаниями и своей совестью, должен честно и четко заявить, куда должен идти мир — в направлении создания новых типов стратегического оружия, увеличивающих опасность взаимоуничтожающего конфликта, или по пути ограничения гонки вооружений и последующего разоружения. Это исторический нравственный долг ученых перед человечеством.

Мы со своей стороны на основе строго научного анализа всех аспектов этой проблемы твердо убеждены, что ядерное разоружение является единственным путем, на котором государства и народы могут обрести подлинную безопасность.

Меннер В. В., Мигдал А. Б., Микулин А. А., Милейковский А. Г., Миначев Х. М., Минц И. И., Митин М. Б., Михайлов А. А., Мишин В. П., Мишустин Е. Н., Молин Ю. Н., Надирадзе А. Д., Наровницкий А. Л., Негин Е. А., Некрасов Н. Н., Нестерихин Ю. Е., Нечкина М. В., Николаев Г. А., Никольский Б. П., Никольский, С. М., Новиков С. П., Новожилов В. В., Новоселова А. В., Образцов И. Ф., Обухов А. М., Овчинников Ю. А., Ойзерман Т. И., Осипьян Ю. А., Патон Б. Е., Пейве А. В., Петров Г. И., Петровский Б. В., Петрянов-Соколов И. В., Пиотровский Б. Б., Погорелов А. В., Понамарев Б. Н., Понтекорво Б. М., Понтрягин Л. С., Попков В. И., Примаков Е. М., Прохоров А. М., Прохоров Ю. В., Пугачев В. С., Работнов Ю. Н., Разуваев Г. А., Ремесло В. Н., Реутов О. А., Ржевский В. В., Румянцев А. М., Рыбаков Б. А., Рыкалин Н. Н., Сагдеев Р. З., Садовский В. Д., Садовский М. А., Садыков А. С., Самарский А. А., Самсонов А. М., Свищев Г. П., Северин С. Е., Северный А. Б., Седов Л. И., Семенихин В. С., Семенов Н. Н., Сергеев Е. М., Скобельцын Д. В., Скринский А. Н., Скрябин Г. К., Смирнов В. И., Соболев В. В., Соболев С. Л., Соколов Б. С., Соколов В. Е., Спицын В. И., Степанов Г. В., Струминский В. В., Стырикович М. А., Тананаев И. В., Татаринов Л. П., Таусон Л. В., Тахтаджян А. Л., Тихвинский С. Л., Тихонов А. Н., Трапезников В. А., Трешников А. Ф., Трофимук А. А., Тучкевич В. М., Фаддеев Л. Д., Федоренко Н. П., Федосеев П. Н., Флеров Г. Н., Фокин А. В., Франк И. М., Харитон Ю. Б., Хачатуров Т. С., Храпченко М. Б., Христианович С. А., Целиков А. И., Чазов Е. И., Чайлахян М. Х., Челомей В. Н., Черенков П. А., Черный Г. Г., Черский Н. В., Чухров Ф. В., Шальников А. И., Шейндлин А. Е., Шило Н. А., Шпак В. С., Шульц М. М., Щукин А. Н., Эмануэль Н. М., Энгельгардт В. А., Яковлев А. С., Яненко Н. Н., Яншин А. Л.

АУКА—КОСМОС

онный банк данных, и его создание — сложнейшая проблема теории информации.

Обратимся теперь к другой области исследований. Человек показал, убедился, что невесомость создает прекрасные условия для получения новых материалов и веществ. Казалось, можно было ожидать, что эти материалы и вещества хлынут потоком. Но мы предвидели, что все будет гораздо сложней. Так оно и вышло. Дело в том, что истинная невесомость крайне трудно достижима, и причин тому немало. Включения двигателей для коррекций орбиты станции или ее ориентации в пространстве, перемещения космонавтов создают возмущения, отрицательно влияющие на ход технологических процессов. Стоит задача искать пути преодоления этих трудностей. Нужно, в частности, узнать, как, в какой степени влияют те или иные возмущения на ход процессов, как при этих возмущениях выполнять технологические операции. Работа над этими задачами привела к рождению целого научного направления — механики невесомости. Ведутся широкие исследования. Замечу при этом, что, хотя проблема имеет пока целенаправленный прикладной характер, следует ожидать результатов гораздо более широкого значения, ведь речь идет о проникновении в природу вещества. Получается обратная связь — воздействие космической науки на земную.

— Итак, главное на сегодня — это повышение эффективности исследовательских работ в космосе?

— Да, плюс четкая определенность на перспективу. Дело в том, что любая работа в космосе столь значительна по затратам — материальным, временным, человеческим, что даже небольшая неточность в постановке задачи недопустима.

Не так давно завершила свою почти пятилетнюю работу орбитальная станция «Салют-6». Пять лет — много это или мало? Я считаю, что мало. Вот срок, скажем, в десять лет — это уже неплохо. Стало быть, нужны системы с иной, нежели нынешние, надежностью, необходима аппаратура, которая будет проводить измерения на более высоком уровне — с большей точностью и разрешающей способностью. И главное, нужно более четко и ясно представлять цели исследований. Думаю, поэтому должна возрасти роль фундаментальных наук, вернее, роль их влияния на космонавтику. Нужно в большем объеме проводить поисковые исследования, рассчитанные на перспективу.

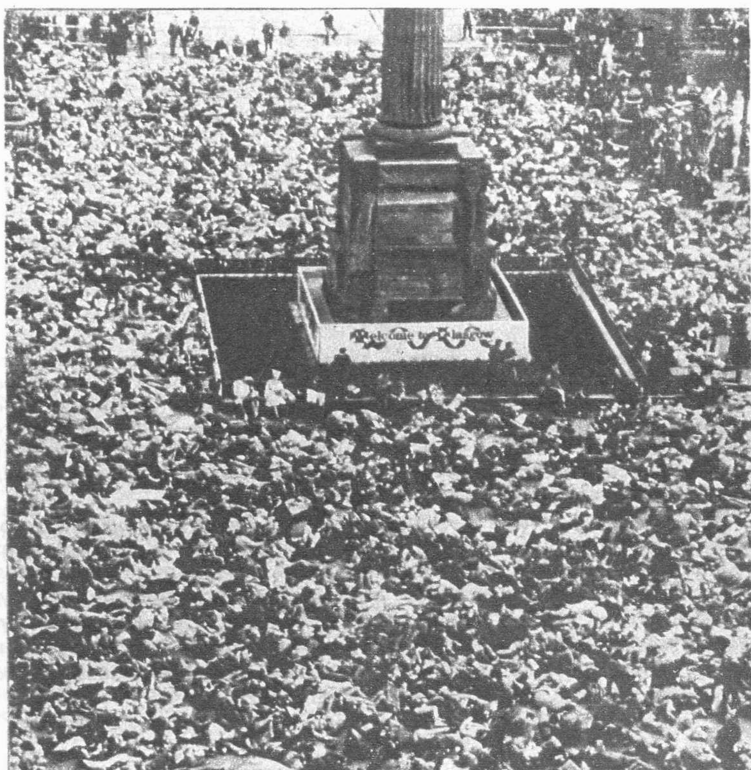
— Всеволод Сергеевич, в космосе ведутся подчас такие научные исследования, важность которых не всегда и не всем очевидна. Возможно, здесь дело в том, что люди ждут каких-то сенсационных открытий или конкретной отдачи, пусть даже и не всегда «материализуемой». Во всяком случае, ждут ясных сиюминутных результатов. Что вы можете сказать о стратегии исследовательских работ?

— Вспомним для примера Генриха Герца, который в прошлом веке экспериментально доказал существование электромагнитных волн и показал их основные свойства. При этом он усомнился в том, что его открытие найдет когда-либо практическое применение. Сейчас, во второй половине двадцатого века, когда так глубоко вошло в нашу жизнь радио и телевидение, когда с поверхностей далеких планет, за сотни миллионов километров от Земли с помощью электромагнитных волн принимаются великолепного качества изображения — панорамы, сомнения Герца нельзя вспоминать без удивления и улыбки.

И в космонавтике — подобная картина. Систематическое накопление научных сведений неизбежно приведет к качественному скачку, к новым удивительным открытиям научного и прикладного значения.

Они будут служить миру на Земле, над которой сейчас нависла угроза ракетно-ядерного удара, нагнетаемая империалистическими кругами США. Единственный путь устранения угрозы — всеобщее и полное разоружение. К этому призывают все здравомыслящие люди на Земле. Такова позиция и советских ученых. Как отметил А. А. Громыко на недавней пресс-конференции для советских и иностранных журналистов, «мы гордимся той ролью, которую выполняет Советское государство...». Мы, ученые, слишком хорошо понимаем опасность для всего живого, которую таит в себе ракетно-ядерное оружие и космические средства его доставки.

Беседу вел В. ЛЕЙБОВСКИЙ

ПРЕГРАДИТЬ ДОРОГУ «ПЕРШИНГАМ» И «ТОМАГАВКАМ»

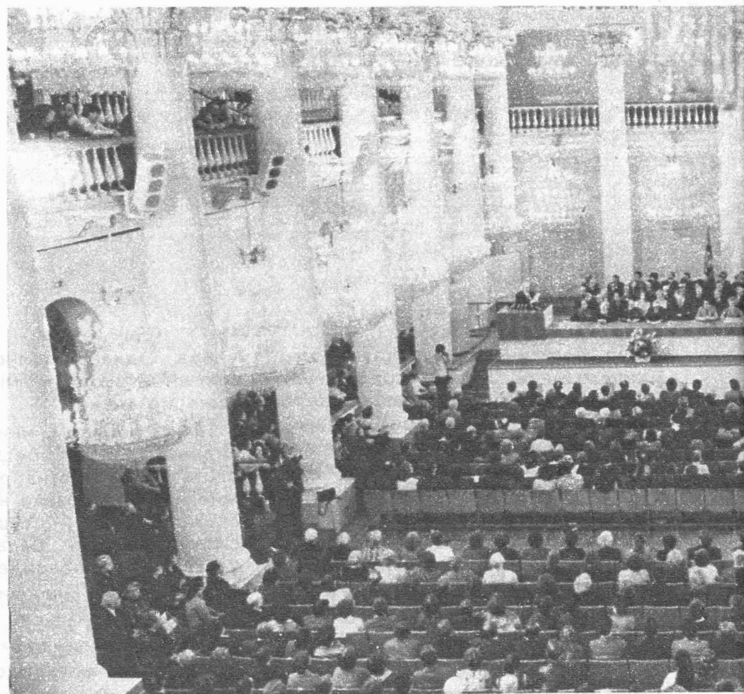
Весна принесла в Западную Европу не только тепло и шумный гомон птиц, но и страстный накал борьбы за мир и разоружение, против нового витка ядерного вооружения. Весеннее наступление сторонников мира взбудоражило. Западную Европу, выплеснуло на улицы многотысячные манифестации, показало, что мир не безразличен честным людям земли.

В стране «туманного Альбиона» ширится борьба против гонки ядерных вооружений. Так, в городе Глазго тысячи людей приняли участие в «сидячей демонстрации» на центральной площади города (верхний снимок), чтобы сказать решительное «нет» агрессивным планам администрации США и ее верного союзника — правительства М. Тэтчер разместить на Британских островах новые ядерные ракеты средней дальности.

«Мы сидим здесь на пороховой бочке и не хотим, чтобы она взорвалась. Сан-Франциско, быть может, уцелеет, но от нас ничего не останется, а это в конце концов ведь наша страна»,— так писал на днях западногерманский журнал «Штерн». Массовые антивоенные выступления западногерманских граждан встречаются в штыки полицейскими силами страны. Как сообщило агентство ДПА, в местечке Ной-Ульм, где планируется установка «Першингов-2» (нижний снимок), сотни борцов за мир блокировали подъездные пути к военной базе США. Полиция набросилась на участников манифестации и применила слезоточивый газ. Среди демонстрантов имеются раненые.

Телефото АП—ЮПИ—ТАСС

8 АПРЕЛЯ В КОЛОННОМ ЗАЛЕ ДОМА СОЮЗОВ

состоялось торжественное собрание, посвященное 60-летию журнала «Огонек»

На торжественное собрание пришли представители партийных и советских организаций Москвы и области, Советской Армии и Флота, работники редакций газет и журналов, издательств, полиграфических предприятий, рабкоровский актив, писатели, художники, делегации подшефных «Огоньку» трудовых коллективов — БАМа, КамАЗа, «Атоммаша», «Оренбурггазпромстроя» и другие.

Собрание открыл первый заместитель председателя Союза журналистов СССР И. А. Зубков.

Слово о 60-летии журнала произнес главный редактор «Огонька», Герой Социалистического Труда А. В. Софронов.

С приветствиями к журналу обратились В. П. Сериков, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный строитель РСФСР; С. В. Михалков, председатель правления Союза писателей РСФСР, секретарь правления Союза писателей СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР; Н. А. Пономарев, председатель правления Союза художников СССР, народный художник СССР, член Академии художеств СССР, лауреат Государственной премии СССР; Б. П. Уткин, генерал-лейтенант, заместитель начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота; Г. К. Скрябин, академик, главный ученый секретарь Президиума Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда; М. С. Громова, доярка госплемзавода «Коммунарка» Московской области, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР; Ю. П. Артюхин, летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза; Д. А. Налбандян, народный художник СССР, член Академии художеств СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР; поэт Л. Н. Васильева. От имени представителей подшефных строек журналистов «Огонька» и его авторский актив поздравила Л. В. Шилова, секретарь Брежневского горкома КПСС.

В работе торжественного собрания приняли участие ответственные работники ЦК КПСС, главные редакторы союзных и республиканских журналов.

В связи с 60-летием в редакцию журнала поступили приветствия от Центральных Комитетов компартий, Советов Министров ряда союзных республик, крайкомов, обкомов партии, от ЦК ВЛКСМ, от главнокомандующих Военно-Морским Флотом СССР и Ракетными войсками стратегического назначения, от ряда союзных и республиканских министерств, от колхозов и совхозов, Комитета ветеранов войны, от центральных газет и журналов, а также от журналов союзных республик и братских социалистических стран. Редакция получила приветствия от многочисленных советских, профсоюзных, комсомольских организаций и отдельных лиц.

* * *

Публикуем некоторые из приветствий, поступивших в адрес редакции.

В. П. Сериков

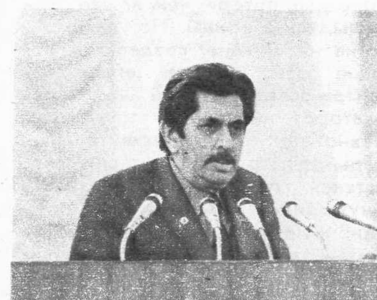
С. В. Михалков

Н. А. Пономарев

Б. П. Уткин

Г. К. Скрябин

М. С. Громова

Ю. П. Артюхин

Д. А. Налбандян

Л. Н. Васильева

Л. В. Шилова

«Редакционная коллегия «Правды», все правдисты горячо и сердечно поздравляют коллектив сотрудников редакции «Огонька», его авторов и читателей с 60-летием со дня выхода первого номера журнала!

На всех этапах коммунистического строительства «Огонек» показал себя верным боевым помощником ленинской партии, пламенным пропагандистом советского образа жизни, летописцем великих свершений нашего народа. Со страниц журнала во весь рост встает образ нашего современника — Человека с большой буквы: ударника пятилетки, героя труда, рабочего, колхозника, ученого, художника.

Не осталось, наверное, такой точки на карте Советского Союза, где бы не побывали корреспонденты журнала. Маршруты их командировок пролегли на БАМ и КамАЗ, «Атоммаш» и новостройки Сибири, просторы Крайнего Севера и Средней Азии, в села Нечерноземья и в «горячие» цехи Урала, в рыболовецкие колхозы Прибалтики и на шахты Донбасса...

Шесть десятилетий — возраст зрелости. Но и сегодня «Огонек» по-прежнему остается молодым.

Новых тебе творческих успехов, «Огонек»!»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ «ПРАВДЫ».

«Огонек» поздравил президент АН СССР, трижды Герой Социалистического Труда академик А. П. Александров:

«Главному редактору журнала «Огонек» Софронову А. В.

Сердечно поздравляю Вас и коллектив редакции с 60-летием со дня выхода первого номера журнала «Огонек». Все эти годы «Огонек» был ярким пропагандистом достижений советской науки и техники. Я желаю всему коллективу новых творческих успехов, счастья и здоровья. А. Александров».

В приветствии Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, подписанном генералом армии А. А. Епишевым, в частности, говорится:

«Коллектив редакции «Огонька» большое внимание уделяет военно-патриотической теме, пропаганде героических традиций армии и флота, поддерживает тесные и плодотворные связи с войсками. Очерки, корреспонденции, фоторепортажи, другие материалы о жизни и деятельности советских воинов способствуют дальнейшему укреплению у нашего народа чувства любви к славным Вооруженным Силам, воспитанию сознательных и стойких защитников Родины, завоеваний социализма».

В своем приветствии ЦК ВЛКСМ отмечает, что

«...всегда среди героев публикаций «Огонька» достойное место занимали лучшие представители советской молодежи. Журнал учит подрастающее поколение любить Родину, прививает уважительное отношение к труду на ее благо, помогает формировать активную гражданскую позицию».

Сердечно поздравило «Огонек» правление Союза писателей СССР, подчеркнув:

«... журнал активно участвует в современном литературном процессе, предоставляя свои страницы видным прозаикам, поэтам и публицистам, выступая с литературно-критическими материалами по основным проблемам современной литературы».

Журнал приветствуют космонавты:

«Центр управления полетами и отряд космонавтов давно дружит с «Огоньком». По страницам журнала можно проследить все этапы освоения космического пространства — от запуска первого искусственного спутника Земли, от исторического полета Юрия Гагарина до международных экспедиций на орбитальные станции «Салют».

Побывал в космосе и «Огонек». Свежие номера журнала регулярно приходили на «Салют-6» и «Салют-7». И хотя работы в космосе у нас много, мы с удовольствием читаем «Огонек», часто прямо на «беговой дорожке».

Желаем вам высоких творческих полетов».

Среди поздравлений наших читателей и авторов — добрые слова давнего друга «Огонька», почетного академика ВАСХНИЛ, дважды Героя Социалистического Труда, полевода колхоза «Заветы Ленина» Курганской области Т. С. Мальцева:

«Дорогой «Огонек», дорогая редакция журнала, разрешите мне сердечно поздравить всех вас с шестидесятилетним юбилеем со дня выхода первого номера этого славного журнала и от души пожелать вам не только долгой жизни, но и еще более яркого горения.

С уважением. Т. Мальцев».

Редакция «Огонька» сердечно благодарит всех, поздравивших журнал в связи с его 60-летием.

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор
Советского телевидения на Ближнем Востоке
Фото автора

ЮГ ЛИВАНА: АРЕСТЫ И РЕПРЕССИИ

■

Наша машина, наконец-то выправленная и покрашенная после тяжелой ее службы во время войны, быстро бежит по такому знакомому шоссе. Мимо проносятся новые дорожные указатели, таблицы. Они изготовлены и установлены основательно и надолго, однако прочесть их мы не можем — надписи сделаны на иврите. Зато в этих указателях прекрасно разбираются водители израильских военных машин, бронетранспортеров и танков, периодически попадающихся нам по дороге на юг.

Особенно много этих знаков и надписей расставлено и развешано на суверенной ливанской территории в районе реки Захрани, у нефтеперерабатывающего завода. Здесь израильская армия построила себе большую и тщательно охраняемую базу. Множество настороженных солдатских глаз, биноклей и пулеметных стволов провожают каждый проезжающий автомобиль.

Миновав временный мост через реку Захрани (старый уничтожен израильскими бомбами прошлым летом), поворачиваем на шоссе, ведущее к городу Набатия. Асфальт усеян неглубокими воронками — следами авиационных снарядов и мелких мин. По сторонам от дороги — руины ливанских селений, черные скелеты выгоревших фруктовых садов.

Разрушенные здания, пожары, снесенные артиллерийско-минометным огнем израильтян целые улицы лагерей беженцев, десятки раненых в больницах Сайды, Набатии и Тира были здесь обычным явлением еще задолго до израильского вторжения в Ливан. Местные крестьяне прижимали к груди портреты своих детей, изрешеченные американскими шариковыми бомбами, и в бессильном гневе грозили кулаками распарывающим голубое небо бомбардировщикам.

Не случайно сионистские оккупанты столкнулись здесь с вооруженным отпором. Силы были неравны, и все же на своем кровавом пути от южной границы до Бейрута, в боях с отрядами Палестинского движения сопротивления, национально-патриотических сил израильтяне понесли более серьезные потери, чем за все свои предыдущие войны. Но, даже захватив юг Ливана, создав тем военные базы, насадив целую сеть агентов-осведомителей и провокаторов, интервенты почти ежедневно получают чувствительные удары от патриотических сил. Сионистская пропаганда оказалась вынужденной признать, что оккупационные войска подвергаются частым нападениям на всей захваченной ими территории от Бейрута до Сайды, Набатии и Тира. Например, недавно ракеты бойцов сопротивления подбили машину с израильскими офицерами, а под Тиром был взорван танк. Сионистская охранка провела в южных городах и деревнях облавы, обыски и аресты, но никто не выдал партизан. А ведь еще не так давно радиостанция «Кол Израэль» кричала на весь мир о «полном согласии» между оккупантами и населением южных мусульманских деревень. На поверку это оказалось пропагандистским враньем сионистов.

...Джибшия выглядит вымершей. На улицах ни души, ни одного человека на полях, окна закрыты ставнями. Все жители собрались у мечети, проводя молчаливую забастовку протеста. В такие моменты израильтяне предпочитают держаться подальше. Лица мужчин, женщин и даже детей выглядят суровыми и решительными. Горящие темные глаза, то сдержанные, то порывистые жесты, приглушенные, но с металлической ноткой голоса... Все это создает ощущение растущей тревоги и напряженности.

— Мы будем протестовать даже под угрозой израильских пулеметов,— спокойно говорит молодой черноглазый парень.— Убить народ невозможно...

Нас провели к дому Рагиба Харба, где мы увидели его жену и троих детей.

— Я ничего не знаю о моем муже,— произносит сквозь слезы одетая в черное женщина. Рядом стоят светловолосые кудрявые мальчик и девочка, а младший ребенок у матери на руках.— Не знаю, куда они его увезли. Может быть, недалеко отсюда, в концлагерь Ансар, где томятся тысячи людей, а может быть, и в Израиль.

Один из собравшихся на площади ливанцев нарушает молчание и рассказывает нам:

— Израильские варвары хотят запугать нас массовыми арестами. Пожалуйста, передайте всем, что оккупантам не сломить нас. Ливан будет свободным и независимым, а интервентам все равно придется уйти отсюда...

События показали, что запугать патриотов не так-то просто. В Набатии прошли народные демонстрации под лозунгами: «Свободу узникам Ансара!», «Оккупанты, вон из Ливана!». А у города Тир группа безоружных людей перекрыла дорогу израильским машинам.

— Освободите заключенных в Ансаре! — кричали демонстранты.

Израильские солдаты открыли огонь, несколько ливанцев было ранено.

Это не первый случай, когда интервенты преднамеренно стреляли по безоружным людям. Недавно под городом Сайда израильтяне слезоточивым газом и автоматным огнем встретили демонстрацию палестинских женщин и детей, требовавших освобождения своих мужей, отцов и братьев из концентрационного лагеря Ансар. Пять женщин ранено, одна из них — тяжело.

Пожилой человек в традиционном арабском головном уборе сказал нам:

— Они стреляют в беззащитных женщин — что может быть позорнее для мужчин, называющих себя солдатами...

Сайда — Набатия — Тир.

«Верните домой наших мужчин!»

МОСКВА, МАНЕЖНАЯ УЛИЦА, 9, КВАРТИРА 13

В этой комнате бывал В. И. Ленин.

Взволнованный увиденным и услышанным в стенах этой квартиры, выхожу на балкон. Отсюда, с четвертого этажа, хорошо видны Кремль, начавший зеленеть Александровский сад. Рукой подать до Троицких ворот, через которые обычно проходил Владимир Ильич Ленин, направляясь по указанному в заголовке адресу, где жила его старшая сестра Анна Ильинична Ульянова-Елизарова. В то время она заведовала отделом охраны детства Народного комиссариата социального обеспечения. Это представлялось ей недостаточным, и в то тяжкое время, помимо приемного сына Георгия и оставшегося без матери сынишки младшего брата Дмитрия Ильича — Вити, Анна Ильинична опекала немало еще сирот.

Отныне в квартире № 13 — музей В. И. Ленина. Здесь разместились яркие экспозиции, посвященные Москве прошлой и нынешней. Бережно воссоздана обстановка тех дней, когда тут бывал В. И. Ленин. Вот комната, где трудилась Анна Ильинична. Письменный стол с номерами журналов, в которых она сотрудничала, толстые тома иностранных словарей. На стене старинный телефонный аппарат, по нему созванивались с Владимиром Ильичем, сохранилась книжка, в которой значится и номер личного телефона Ленина — 36150. В столовой бросается в глаза самовар.

Много подробностей тех дней узнал я от Виктора Дмитриевича Ульянова, сына брата В. И. Ленина. Удалось мне побеседовать и с дочерью Дмитрия Ильича — Ольгой Дмитриевной Ульяновой.

Музей В. И. Ленина создан Институтом истории партии МГК и МК КПСС, Центральным музеем В. И. Ленина под руководством Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Десятки рабочих, работниц, инженеров, реставраторов, архивистов сделали все возможное, чтобы воссоздать для нынешних и будущих поколений облик еще одного памятного ленинского места.

З. АБРАМОВ,
фото Г. Розова

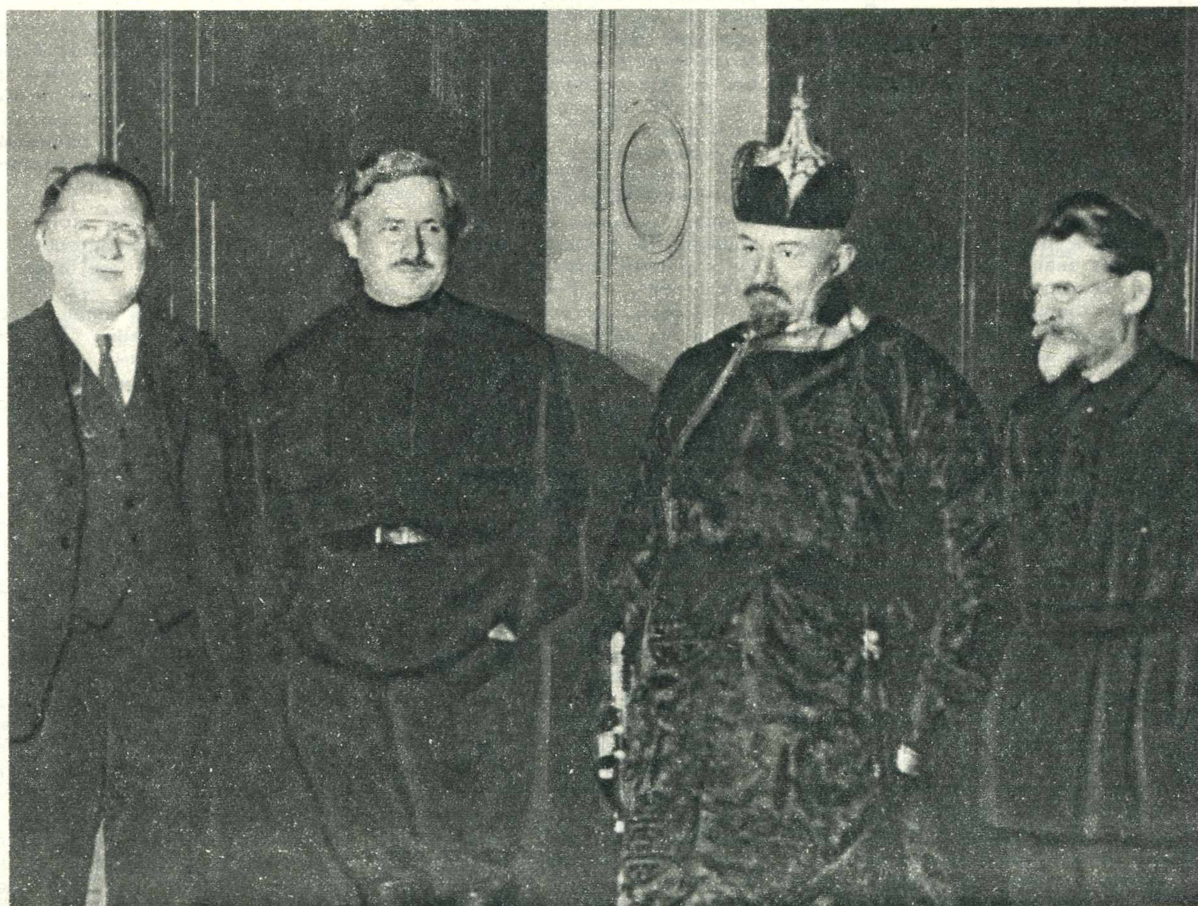
Ю. Князев. Род. 1927. В. И. ЛЕНИН.

А. Михайловский. 1873—1930. В. И. ЛЕНИН. СЕНТЯБРЬ 1918. 1924.

ЗНАМЯ ГЛАВКОМА

Зигмунд ХИРЕН

Справа налево: М. И. Калинин, Г. В. Чичерин, А. С. Енукидзе, М. М. Литвинов.

Летом 1939 года летел я из Читы в Монголию на тяжелом бомбардировщике «ТБ-3», временно превращенном в грузовой. Где-то в пути началась дичайшая болтанка. Воспользовавшись рассеянностью стрелка-радиста, случайно оставившего командирскую дверь открытой, я нырнул по узкому проходу к летчикам.

Оба сидели на своих местах. Впереди же в штурманской кабине с начисто выбитыми стеклами, как тогда говорили, в «моссельпроме», было пусто, и я устремился туда. Запомнилось, как сразу обжег буйный ветер, и ощущение было такое, что чья-то рука изо всех сил старается меня швырнуть вниз. Но в этот момент в воздухе прямо над головой выстроились в несколько этажей наши и японские истребители. Больше ничего не успел я увидеть, так как наша машина рухнула вниз и перешла на бреющий. Когда же порядочно удалились от опасного места, вновь стали набирать высоту. Вот, значит, в чем была причина чудовищной болтанки. Надо было быть очень опытными и очень смелыми летчиками, чтоб так ворочать подобной грузной махиной.

Внизу под нами расстилалась холмистая степь, та самая, по которой осенью 1921 года скакал Сухэ-Батор, направляясь в Москву на переговоры с Владимиром Ильичем Лениным.

...Как только наш «ТБ-3» приземлился, нас окружили монгольские и советские летчики. Все — истребители, все молодые. Оказалось несколько знакомых, которым я привез из Москвы письма, и теперь они, забыв обо всем на свете, уединившись, как истинные счастливчики, их читали.

— Пойдем в палатку Сухэ-Батора,— обратился ко мне один мой старый товарищ. Я удивился: разве есть еще один Сухэ-Батор, кроме всем известного легендарного главкома? Приятель объяснил, что в Монгольской Народной Республике «палатка Сухэ-Батора» — то же, что у нас в армии «Ленинская комната». Мы вошли в громадную юрту. Посреди горела переносная батарейная лампа. С войлочной стены на нас, улыбаясь, глядел молодой монгол в мягкой фуражке с чуть загнутым козырьком. Это был портрет Сухэ-Батора. Откидывая полог, в юрту входили летчики. Я едва успевал записывать их рассказы о боях.

Прошли годы. В 1979 году я опубликовал в «Огоньке» репортаж о том, как по совету первого секретаря ЦК МНРП, Председателя Президиума Великого Народного хурала МНР Юмжагийна Цеденбала удалось разыскать у нас в архиве несколько метров старой киноленты, запечатлевшей пребывание Сухэ-Батора осенью 1921 года в Москве... У меня в Монголии много друзей, я был знаком с вдовой Сухэ-Батора — Янжимэ, с его ближайшим соратником по созданию Монгольской народно-революционной партии Хорлогийном Чойболсаном.

Читательские отклики на мой репортаж заставили вновь пережить то далекое лето в Монголии. По-новому ощутить и то, что промелькнуло буквально в течение нескольких секунд на экране. Я увидел живого, двигающегося, смеющегося Сухэ-Батора.

Счастье мне в те дни, можно считать, привалило: я получил много фотографий. Во-первых, я увидел посланцев монгольского народа среди наших дипломатов, причем на нашем тогдашнем наркоминделе Георгии Васильевиче Чичерине была точь-в-точь такая же шелковая национальная одежда «дели», как и на Сухэ-Баторе в кино. Чичерин вместе с Калининым, Литвиновым и Енукидзе сфотографировался в обнове, подаренной ему монгольскими гостями. Эти товарищи принимали участие в разработке Соглашения об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией.

Документ, как известно, датирован 5 ноября 1921 года, но ему предшествовала маленькая записочка Владимира Ильича Ленина председателю Малого Совнаркома. Вот она: «3.XI. 1921 г. т. Литвинов очень просит меня просить Вас рассмотреть сегодня соглашение с Монгольским правительством».

Проект Соглашения был рассмотрен и одобрен Малым СНК в тот же день, 3 ноября 1921 года, а 5 ноября Владимир Ильич принял делегацию и имел с ней беседу у себя в кремлевском кабинете, где за спиной у Владимира Ильича Ленина в маленькой комнатушке находился "Верхний Кремлевский коммутатор", а внизу, в том же помещении — знаменитая «Аппаратная», где стоял телеграфный аппарат, связывавший Владимира Ильича со всеми фронтами гражданской войны, в том числе и с тем, откуда прибыли в Москву монгольские гости. В интервью Г. В. Чичерина, опубликованном в те дни в газете «Правда», говорилось, что белогвардейские банды еще имеются в западных областях громадной по своему протяжению Монголии и борьба против них продолжается с успехом. Известно, что после исторической беседы с Лениным Сухэ-Батор, вернувшись домой, с великой отвагой повел свои войска на разгром белобандитов Унгерна. О том свидетельствуют многочисленные описания подвигов главкома всеми вооруженными силами Монголии Д. Сухэ-Батора, составленные командованием нашей 5-й армии.

Вот несколько строк из документа: «В качестве организатора красномонгольских партизанских отрядов тов. Сухэ-Батор с января месяца текущего года вступил в борьбу с бандами Унгерна и Резухина, в марте с. г. очистил г. Маймачен от китайцев, а во время начавшейся борьбы по уничтожению советскими войсками белобанд в пределах Монголии тов. Сухэ-Батор энергично содействует нам в этой борьбе в качестве союзника, оказав советским войскам существенную помощь, в особенности при взятии Урги...»

Перед отъездом в Советскую Россию Сухэ-Батор, прощаясь с умирающим отцом, сказал: «Отец, хотя я жажду исполнить свой сыновний долг... ухаживать за вами, но есть... еще долг перед народом, что еще священнее, и я не

могу смотреть безразлично, как иноземные захватчики изо дня в день становятся все наглее в своем грабеже и издевательствах над нашими монголами... Поэтому ваш сын Сухэ-Батор уже решил ехать в Россию по великому делу освобождения нашего народа».

Спустя десять лет после исторической встречи Сухэ-Батора с Владимиром Ильичем Лениным в Кремле один из тех, кто ее готовил и от начала до конца присутствовал на ней, старый большевик Б. Шумяцкий, опубликовал свои воспоминания в газете «Восточно-Сибирская правда». Вот абзац из статьи: «Если,— сказал В. И. Ленин,— учесть то, чтó монголы проделали за этот краткий срок (год), то темп развития революции Монголии рисуется таким, какого еще не знали «великие» революции Европы... За этот недолгий срок,— говорил В. И. Ленин,— определяемый буквально месяцами, базируясь на пролетарскую революцию в России, трудящиеся Монголии наверстали то, что другие страны проделывали в течение сотен лет. Они сделали скачок от ранне-средневековых форм — теократии — и более поздних средневековых же — феодализма — к диктатуре крестьянских советов, родившихся из эпохи начала крушения капитализма, пролетарских революций и создания первого государства, руководимого пролетариатом». Монгольский Октябрь, по определению В. И. Ленина, был труден, но он родился в куда более счастливых условиях, чем наш, российский».

А теперь я хочу познакомить читателей с письмом из Кабардино-Балкарии, из города Нальчика, от инвалида Великой Отечественной войны Николая Битовича Теуникова.

«Дорогая редакция! В № 28 журнала «Огонек» за 1979 год я увидел фотоснимок, где я снят вместе с группой представителей Монгольской Народной Республики. После освобождения города Юхнова от немецких захватчиков я получил приказ охранять и сопровождать представителей МНР, прибывших к нам в 49-ю армию для вручения знамени, под которым сражался в двадцатых годах легендарный главком Сухэ-Батор. Знамя предстояло вручить нашим артиллеристам, разгромившим фашистов из своих непобедимых «катюш». Штаб нашей 49-й армии стоял тогда в двенадцати километрах от Юхнова в деревне Барсуки, не то Устиновке, сейчас уже не помню.

Сопровождал я гостей не один, а с двенадцатью автоматчиками. Как только выехали на шоссе, появился немецкий самолет и стал кружить. Не прошло и пяти минут, как над нами появилось еще шесть «мессеров». Среди монгольских гостей были, как вы, наверное, заметили на карточке в журнале, и женщины. (Еще бы не заметить, ведь там Янжимэ — жена Сухэ-Батора. Уже позднее стало мне известно, что ее и ее спутниц горячо уговаривали остаться в Москве, но они и слышать о том не желали. Янжимэ сказала, что в двадцатых годах она во время боев с белым бароном Унгерном находилась рядом с мужем Сухэ-Батором, тот даже прозвал ее «мой маленький солдатик». И вот «маленький солдатик» оказался на фронте Великой Отечественной войны.— **З. Х.**) На наше счастье,— писал далее Николай Битович,— откуда ни возьмись, появились наши истребители. Я отдал команду: «По машинам». И вот мы уже в 18-й гвардейской Сибирской дивизии, у тех самых артиллеристов, которым наши гости решили вручить свое знаменитое боевое знамя. Кроме того, они привезли с собой несколько ящиков подарков, собранных в Монголии для солдат нашего Западного фронта. Был там один монгольский майор, и вот он попросил: сделайте, пожалуйста, залп из «катюши», пусть наши женщины посмотрят. Это было сделано. Если я не ошибаюсь, знамя было вручено сыну Василия Ивановича Чапаева, в то время был он старшим лейтенантом и командовал батареей «катюш». Торжественное вручение монгольского знамени, помню, тоже фотографировали...

Может, кто-нибудь жив из тех товарищей и откликнется. В феврале 1943 года я был тяжело ранен и больше на фронт не вернулся. Сейчас работаю зам. главного врача курортной поликлиники города Нальчика, Кабардино-Балкарской АССР».

...Упомянул я, что, кроме писем, оказался обладателем фотокарточек. Какова же была моя радость, когда среди них обнаружил ту, о которой написал врач из Нальчика, а именно: вручение монгольскими гостями нашим артиллеристам знамени. И еще одна немаловажная подробность. Монгольская делегация была принята тогдашним командующим Западным фронтом генералом армии Жуковым, о чем свидетельствует любопытнейший документ, хранящийся и по сей день в Главном архивном управлении при Совете Министров СССР. Это черновик письма, написанный и исчерканный поправками собственноручно Георгием Константиновичем Жуковым. В письме наш знаменитый полководец благодарит монгольских товарищей и выражает непоколебимую уверенность в полной победе над Гитлером. Жуков не сомневался, что в Берлин вступит и танковая колонна, построенная на средства монгольских трудящихся и названная «Сухэ-Батор». Среди монгольских подарков была и авиационная эскадрилья «Монгольский арат». Ей Жуков тоже прочил блестящее будущее. Так все и вышло.

Посланцы братского монгольского народа вручают нашим артиллеристам боевое знамя.

Фото Центрального Государственного архива кинофотодокументов СССР.

К ДР

Анатолий ПРЕЛОВСКИЙ

КОНИ ДЕТСТВА

Встряхни, конек,
нестриженою гривой!
На скользкой неоседланной спине
промчи меня
по степи молчаливой —
по вековечной травной тишине,
чтоб ветер мимо, а мороз по коже
текли,
да чтобы сам не прядал вбок
от валунов, на росомах похожих...
Взяв с детства
сыромятный поводок,
я навсегда поободрал ладони,
стремясь постичь
безудержный галоп,—
с тех пор во снах
приземистые кони
несут меня...

Хоть возраст студит лоб,
хоть трезвость не дает
в мечтах забыться,
а все равно коней не удержать:
так хочет взрослость
в детство возвратиться —
учиться жить и заново мужать.

ФРОНТОВИКИ

В. Федотову

Не бормоток о славе иль недуге,
не жалобы на новых, молодых,
мне дорог в них
тот бравый, без натуги,
тот без бахвальства —
смертный подвиг их,
когда, еще, как песня, молодые,
они врага едва учились бить
и отступили вспять на пол-России,
чтобы весь мир затем
освободить...

Я представляю их во время óно,
когда народ для вечности спасли,
когда военнопленные знамена
они по Красной площади несли...

А бормоток о славе иль недуге —
лишь возрастная тень,
туманец, дым,
чем хочет старый воин на досуге
дать фору —
бравым, новым, молодым.

ВОЗРАСТЫ

Время проходит скорей,
чем рождается слово:
ночи и дня подлиннее иная строка.
Я уже старше
отца своего пожилого,
я уже старше и деда,
почти старика.
Сколько ж мечтаний и замыслов
смято без толку
временем войн и разора —
оплачь и сочти! —
если у сына и внука,
живущего дельно и долго,
все почти замыслы жизни —
еще впереди?

ЕВУ ПРИВИТАЯ СТАЛЬ

СТАРОЕ ТАНГО

Музыке — время и место!
Медь духового оркестра.
Будто жених и невеста,
белая пара плывет.

Горе с бедой обнималось,
время войной разрывалось —
музыка не поддавалась
немочи зол и невзгод.

Где эти старые парки?
Где эти бравые парни?
Где эти белые пары?
Где этот лад на века?..

Но — продолженьем былого
медь заливается снова,
и на плече молодого —
юная вечно рука.

Милая, что же ты встала?
Время еще не настало,
да и не место — устало
в старость сходить нам двоим.

Руку!— в золе лихолетий,
в замети белых соцветий,
на половицах столетий
музыку-жизнь докружим!..

СМУГЛАЯ ВЕТКА

Там, где Азия заблудилась
в безымянных бурятских холмах,
ты припомнилась мне
иль приснилась
поцелуем на жестких губах?

Там, где Азия расплескалась
вечностью на байкальском песке,
что ты — ластилась иль отбивалась
смуглой веткою в смуглой руке?

Жизнь прожили —
найтись не сумели,
лишь приснились —
припомнились мы...
Реки нашей судьбы обмелели,
и от солнца пожухли холмы.

Но охотничий след человека
на подножье холма, у ручья,
указует мне смуглая ветка —
безымянная, вечно твоя.

ВОРОБЬИ

Вл. Соколову

Вдали войны, вдали боев,
у школы, на бегу
мы подбирали воробьев,
замерзших на снегу.

Из лошадиных катышов
повыковыряв, их
мы в классе из-под пиджаков
пускали в нужный миг.

Десяток птиц в один швырок
взвивался к потолку.
Какой тут может быть урок,
когда вся жизнь — вверху?

Мятется, реет, верещит.
На форточках сидит.
Известку из стены лущит.
С портретов вниз глядит.

Оттаявшая жизнь была
премудрости милей,
когда в два сереньких крыла
неслась. И мы — за ней!..

И нам никто не мог сказать,
что там, вблизи боев,
не для забавы собирать
старались воробьев.

Что дети горя и блокад
и выучки иной
от голодухи —птиц... едят,
приправивши войной.

Как эту правду узнавать
стал класс беспечный мой,
то воробьев отогревать
не в школу нес — домой.

Игра игрой, добро добром,
а птицу оживить
в запазухе, как под крылом,
кто мог нам запретить?

Но посерьезней стали мы
к премудрости наук,
хоть и рвала рука зимы
перо из наших рук...

И если прохожу сейчас
по улицам тех лет,
то вспоминаю стылый класс
и крыльев плеск и свет.

И, как военная игра
нефронтовых сирот,
крылатый сгусточек добра
за пазухой живет.

ПУЛЯ

Она вонзилась в Сталинград...

А отыскалась в Волгограде —
на том кургане, где лежат
в посмертном воинском параде
защитники живых...
Зачем
мне этот груз военной яви?

Окатыш пули глух и нем,
коричнев и шершав от ржави.
Но так же хищно острие
полуистлевшего снаряда.
И смертный лёт и свист ее
дофантазировать не надо.

Всех пуль считать — не сосчитать,
всех павших
славить — не прославить...
Спешу спиною к Волге встать,
себя на месте т е х представить,
чтобы война, что не смогла
землею стать,
куском металла
до самой смерти руку жгла
и в памяти доистлевала.

ЧУДО СВЕТА

Славно стать необходимым
тем, кто начал забывать!
Неотлюбленным любимым
снову щеки целовать,
вновь шептать слова привета,
чтобы получить ответ
или вздох полуответа
первочувству прежних лет —
это ли не чудо света
в темной суете сует?..

Вопросительно и нежно
ты в глаза мои глядишь
и разлуке неизбежной
снова «Здравствуй!» говоришь.

ПРАЗДНИК

Воля!— музыка играет,
люди плачут и поют.
Ни дверей не запирают,
ни обидчиков не бьют.

И гармошка разгулялась,
от веселья аж хрипит.
Спит в душе до срока ярость,
а сама душа не спит.

И на что ей обижаться,
если жизнь мила с утра,
если хочется общаться
с миром встречного добра?

Я люблю в моем народе
это свойство: хоть раз в год
развернуться на свободе
ото всех земных свобод.

Я и сам подвержен этой
сутолоке полудел,
этой песне полуспетой,
этой пляске душ и тел.

Этому полупохмелью,
где и пьют, и мимо льют,
этому полувеселью,
где и плачут, как поют...

ТЕЛЕФОННАЯ БАЛЛАДА

Ночного звонка
телефонная страсть
от номера к номеру
тщится попасть
на голос единственный...
Но, как назло,
не сходится с нервным набором
число,
и возглас о возглас,
о камень волна
колотится в пене тоски допоздна.
И в каменном городе каменный
шум
чужих голосов, одиночеств и дум
сливается в каменный рев —
вот когда
в огне перегрузок
горят провода.
Горят провода,
и пространства горят,
и встречи скулят, и разлуки вопят,
пока не повиснет, оборвана зло,
невинная трубка на встречном
«алло!».
В двадцатом столетье
рассветная тишь.
На службу, как верной жене,
позвонишь,
уладишь дела.
Жизнь тиха, как река.
До первого всплеска
ночного звонка.

ВЕРА И ВЕРНОСТЬ

Родина. Возраст и ясность.
Набело жизнь и всерьез.
Старосибирская статность
черных ангарских берез
знает, как с ними я рос.

Родина. Возраст и память
детских обид и забав.
Вечно мне сызнова падать
в колкое таинство трав,
встав, как стерня, из потрав.

Родина. Вера и верность.
К древу привитая сталь.
Старосибирская мерность
хода в далекую даль,
твой я! И жизни не жаль.

КИРЕНСК

Урчит движок,
сосною пахнет Лена,
и жизнь неслышно
за твоей спиной
сквозит —
и ослабляет постепенно
напор страстей
и жадность к ней самой.
Здесь детство
пробегало вдоль по лету,
здесь юность прошагала налегке,
здесь ищет зрелость
прошлого приметы —
а видит только камушки в реке.

РОССИЙСКИЙ ХОД

Российский ход в бессмертье
продолжать
истории и совести в угоду
порой не проще,
чем под снегом — жать,
под ливнем — жечь костер,
а непогоду
еще за благо принимать,
а тяжкий труд —
за высшую свободу...
Спасибо, Родина, спасибо, мать,
за честь и долг земной
принадлежать
к великому и долгому народу.

ТЯГА ЗЕМЛИ

Что помогает хлебам колоситься?
Тяга земли —
над землей возноситься.

Что человека в дорогу зовет?
Тяга земли —
может, счастье найдет.

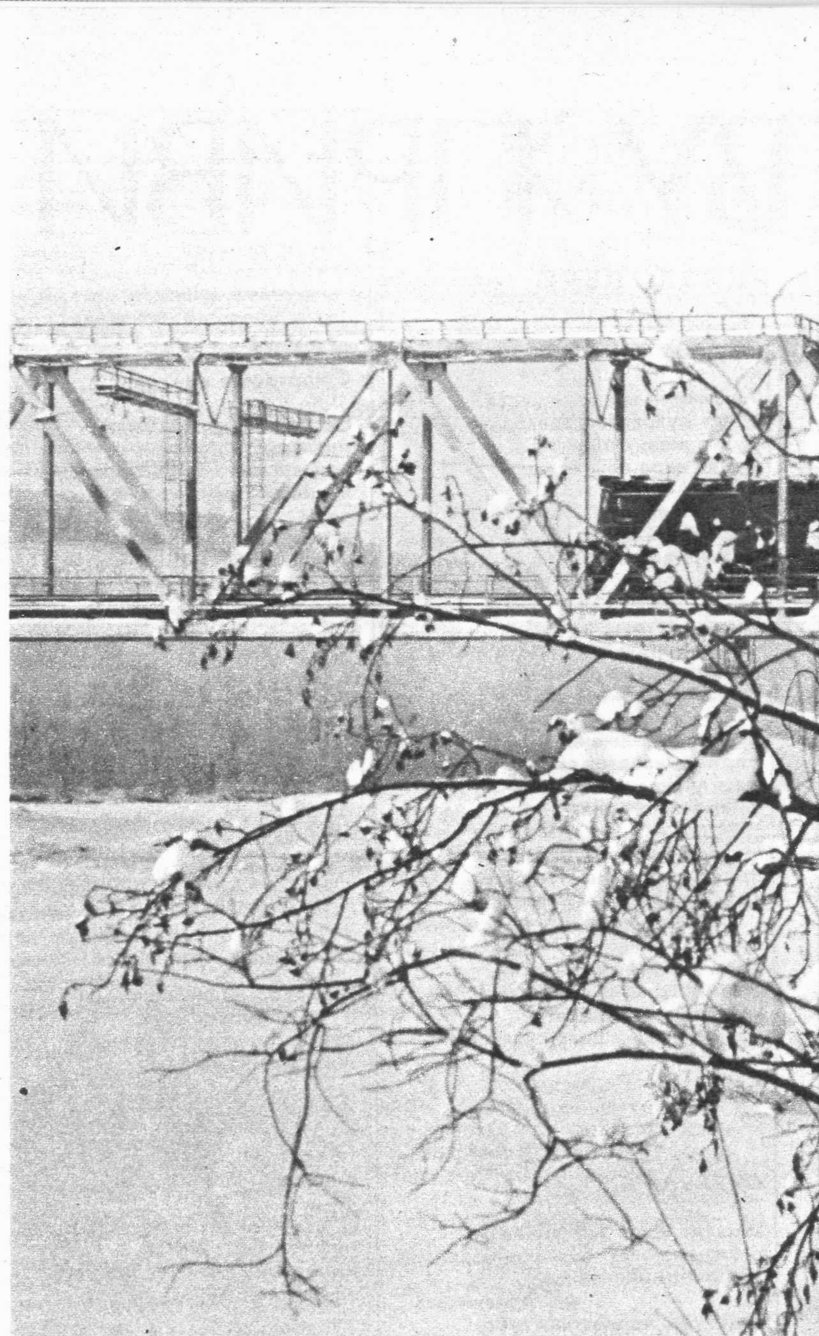
Что подымает
в полеты до звезд?
Тяга земли — человечества рост.

Что умудряет беспечных людей?
Тяга земли — возвращение к ней.

Что же венчает земное житье?
Тяга земли — возвращенье в нее.

Бригадир монтажников Юрий Недомерков.

Мост стоит прочно.

В. КУЗНЕЦОВ
Фото автора

ОТВЕТ

...Мы не виделись целую пятилетку. Встретившись, сразу вспомнили тот весенний праздничный вечер, когда в самом первом бамовском Доме культуры «Юность» вручали призы «Огонька» победителям соревнования бригад, работающих на строительстве магистрали по злобинскому методу. Тогда молодая бригада мостостроителей, возглавляемая В. Г. Жуком, получила приз журнала. Это они строили двухсотметровый мост на линии Тында — Беркакит.

И вот новая встреча, снова в Тынде. Увидев знаменитого бригадира, я сразу подумал о письме солдата, ради которого, собственно, и приехал сюда. Валерий Гнасюк, так зовут автора письма, просил помочь советом. Вкратце суть дела вот в чем. Сержант Гнасюк и многие его товарищи скоро заканчивают службу в армии. Ребята хотят поехать на одну из комсомольско-молодежных строек. Они хотят быть строителями, вот только куда именно поехать, пока не определили.

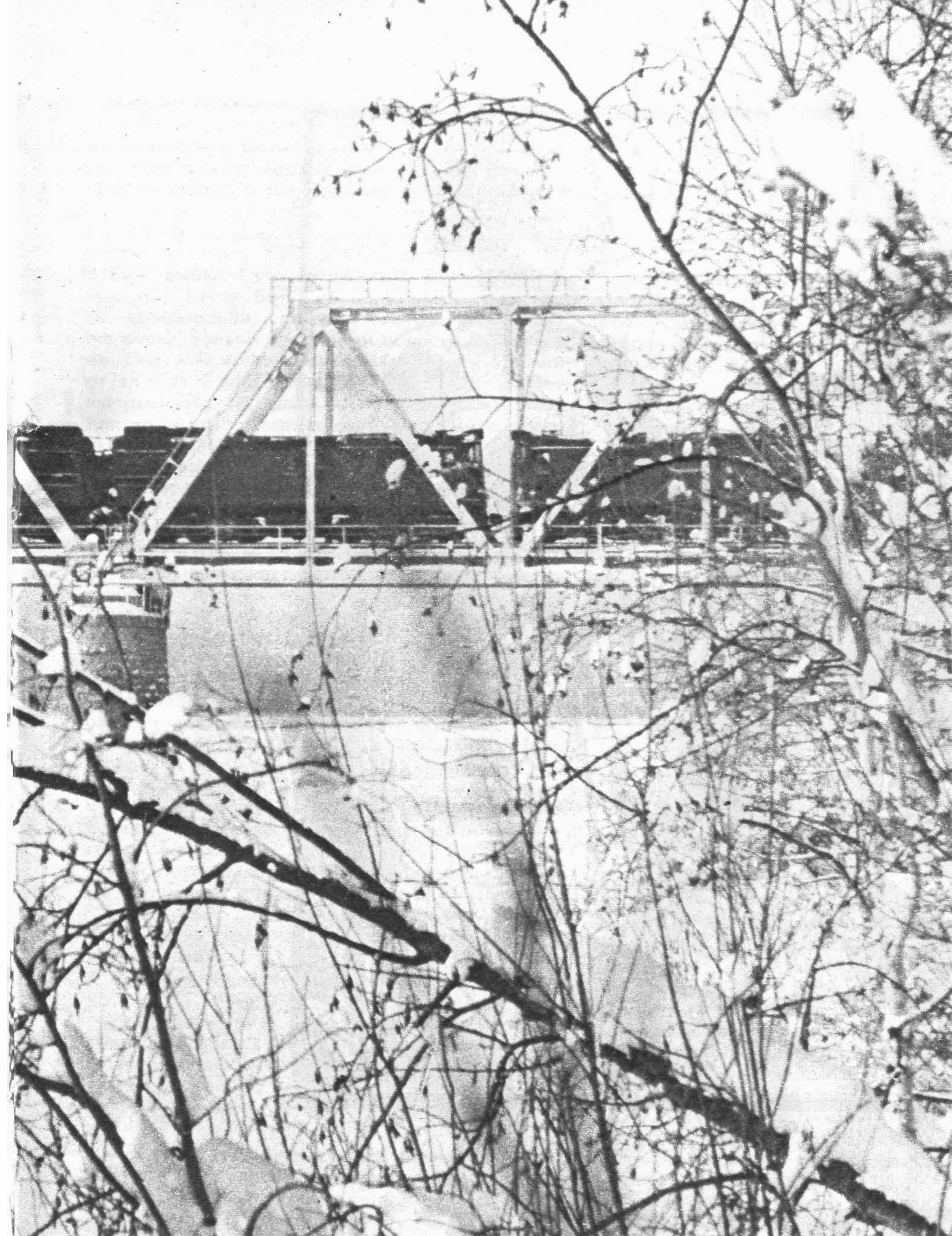
«Сегодня серьезно говорят об авторитете и звании рабочего, о рабочем коллективе — бригаде, о личности бригадира,— пишет Валерий.— Свое стрелковое отделение я частенько сравниваю с бригадой, мысленно ставлю себя на место бригадира. В армии вроде получается, но задумываюсь: а смогу ли на гражданке стать настоящим бригадиром? Ведь страшно подумать: вдруг пройдут годы, и тебе скажут или сам поймешь, что все это время занимал чужое место?.. В «Огоньке» я часто встречаю материалы, рассказывающие о бригадах, работающих по методу хозяйственного расчета. Хотелось бы получить совет от опытного бригадира с большой стройки. Что ему видится в своей работе основным, главным?»

Письмо это я показал Виктору Григорьевичу Жуку.

— В моей судьбе, правда, за последнее время произошли некоторые изменения,— начал разговор Жук.— Пришлось расстаться с бригадой; коллектив мостоотряда доверил возглавить профсоюзную организацию. Но связи с бригадой, естественно, не теряю. Так что постараюсь ответить на письмо Валерия... На любой стройке, большой или малой, главным хозяином является бригада. Она первая ступенька, с которой начинается лестница строительства. И чем прочнее опорная ступень, тем устойчивее вся лестница. Ну, а начинается бригада с ответственности каждого труженика. Поднять эту ответственность сегодня бригадам помогает во многом коэффициент трудового участия. Благодаря ему поощряются и морально и материально самые старательные, заинтересованные, одним словом, лучшие рабочие.

В строители, кстати, я попал тоже после армии. Первой стройкой была Зейская ГЭС. На Байкало-Амурской — с семьдесят пятого года. Бригада образовалась из разных и по характеру и по возрасту людей. Опыт же бригадирства был только у меня. Мы сразу предложили руководству мостоотряда вести строительство подрядным методом. Хозрасчет на БАМе тогда только начинался. В нем участвовало всего тридцать бригад. Для сравнения скажу, что сейчас по этому методу работает более четырехсот рабочих коллективов.

Бригадирами назначают людей, обладающих не только талантом организатора. Руководитель бригады — это прежде всего специалист высокой квалификации, обладающий несколькими специальностями, способный дать практический совет. Сегодня стройкам нужны комплексные бригады, умеющие начинать объект, как говорится, от фундамента и заканчивать крышей. В конкурсе «Огонь-

Виктор Жук.

БРИГАДИРА

ка», например, теперь принимают участие даже шефские организации, ведущие строительство бамовских станций и поселков. Ветераны нашей бригады ныне сами стали бригадирами. Геннадий Грачев, Иван Дунда, Александр Сорокин, Виктор Фастишевский, Виктор Гайлиш теперь вполне успешно возглавляют рабочие коллективы мостостроителей. И все работают на подрядном методе. Вот вам и рост и авторитет рабочего. Рожденный в нашей бригаде принцип «Будет качество — придет и количество» приняли и другие коллективы. Трудиться же по этому принципу — значит выполнять работу так, чтобы потом не возвращаться для пресловутой «доделки». Отсюда идет и рентабельность и стабильность выполнения плана. Поэтому мы и побеждали в конкурсе «Огонька».

К месту в жизни я бы еще отнес такие понятия, как честь и достоинство рабочего человека. Работа на стройках вообще не мед, а на БАМе тем более. Условия у нас тяжелые, особенно зимой, когда мороз под шестьдесят, да еще с ветром. Зато и высокие заработки. Вот здесь-то и возникает проблема. Ведь у иных рабочих престиж измеряется суммой, за которую они расписываются у окошечка кассы. Я не против материального стимула. Только считаю, что деньги не должны заслонять честь и достоинство. Был в нашей практике такой случай. Работала бригада на мосту через Гилюй. Так получилось, что на этом объекте оказалось сразу две бригады. Совершенно одинаковые. Даже по числу людей — один в один. Начинали вместе. Мы — одну опору моста, соседи — другую. Работали вроде бы одинаково, но вот по весне что-то захандрили наши соседи. Заметно сбросили темп. Потом мои ребята раскусили их — соседи решили урвать. Хотя заработок каждого и так превышал пятьсот рублей, им захотелось большего. Прикинули, что до ледохода опору обязательно надо поставить, решили сначала немного потянуть, а потом руководство отряда вынуждено будет платить им сверхурочные. Когда же поняли, что начальник отряда не пойдет на нарушение финансовой дисциплины, то вовсе отказались работать в котловане, сославшись, что может затопить. В котлован соседней опоры пошли добровольцы из нашей бригады: Евгений Марков, Александр Сорокин, Геннадий Сосновцев и другие. Земляные работы там были сделаны в кратчайший срок. А как пришла пора заливать бетон (по расценкам это самая денежная работа), тут-то и объявились «хозяева». Наши парни ушли с объекта, не сказав рвачам ни слова...

По-разному понимают люди принципы рабочей чести. Вот другой случай. Использовали мы для подогрева бетона на одном из мостов аэрокалорифер — вещь дорогую и очень нужную в наших делах. Сейчас трудно сказать, что стало причиной пожара. Вспыхнуло ночью. Огонь моментально подобрался к калориферу, с минуты на минуту мог произойти взрыв. Тогда-то и бросились в котлован Андрей Колесников и Алим Бейбулатов. Сбросив полушубки, накрыли ими бензобак, сбив огонь с двигателя, выкатили калорифер на безопасное место. Конечно, подобные случаи не часты. Не дай, как говорится... Они возникают лишь в ситуациях из ряда вон выходящих, но главное то, чтобы были ребята, такие, как Андрей или Алим... Они не подведут!

Не знаю, вразумительно ли я ответил на письмо Валерия, закончить же хочу так: «Если ты, Валерий, решил посвятить себя благородной профессии — строительной, не сворачивай с этого пути. А на работу можешь приезжать к нам, в мостоотряд сорок девять, на БАМе нужны крепкие солдатские руки».

ДВА РЫБАКА

Мариу Лопеш Герра родился 15 июля 1939 года в городе Луанде.
Литературную деятельность начал в 1956 году. Уже первые его произведения были отмечены премиями. Участвовал в движении молодой творческой интеллигенции, сотрудничал в различных газетах и журналах Луанды, Мапуту и Лиссабона. Его произведения печатались в различных антологиях ангольских рассказов. Мариу Герра участвовал в национально-освободительном движении, работал в подполье, неоднократно подвергался арестам и преследованиям, томился в застенках, воевал.
После провозглашения независимости Анголы сотрудничает как публицист и график в газетах «Диариу ди Луанда», «Жорнал ди Ангола» и «Вож ди трабальядор».
В составе ангольской делегации участвовал в работе VI конференции писателей стран Азии и Африки (Луанда, 1979 год).

Мариу Лопеш ГЕРРА

РАССКАЗ

Рисунок А. ЛУРЬЕ

Мануэл, почесывая в затылке, глядел на вход в гавань. Никого. Советские рыбаки еще не возвратились после тяжелой ночной работы у берегов Лобиту.

Мануэл тоже был когда-то рыбаком. Впрочем, почему «был»? Рыбак остается рыбаком до самой смерти. В жестких мозолях рук, в каждом ударе сердца жива память о вечной синеве бездонного и бескрайнего моря.

Но однажды с Мануэлом случилось несчастье. Он сорвался с мачты и упал на палубу сейнера. Переломы, правда, срослись, но ночами, когда туман затягивал белый диск луны и сырость клубилась у земли, Мануэл чувствовал, как ноют кости.

Никогда, никогда не выйти ему в море!

Горе погнало его прочь из дома, с тех мест, где родился и вырос, стал рыбаком, любил и страдал. Лишь бы не видеть сквозь застилающие глаза слезы, как старые товарищи, попыхивая сигаретами и перебрасываясь шутками, идут по песку к лодкам.

Оставив позади родной очаг, Мануэл отправился на север. Он миновал Баия Фарту, Бенгелу и остановился только в Лобиту. На песчаном морском берегу скинул он с плеча котомку неподалеку от рыбаков, чинивших сети.

Здесь и осел: работал в рыбном порту на складах, отпускал мотористам топливо, наводил чистоту на причалах, сметая рыбью чешую, обрывки лески и крючки, забытые беспечной детворой, безмятежно удившей здесь рыбу после уроков.

Нередко видел рыбаков из Советского Союза. Они ежевечерне уходили в море, а через день-два возвращались. Из трюмов их судов выгружали на причалы большие пластмассовые ящики с рыбой.

С одним из моряков Мануэл сошелся особенно близко. Каждое утро, когда судно, швартуясь, ударялось бортом о деревянный причал, этот русский, упираясь ногой в планшир, махал рукой и звал голосом ясным и звонким:

— Мануэл, иди сюда!

Мануэл потирал руки и добродушно улыбался.

«Ох, уж этот советский,— думал Мануэл,— парень что надо!» Он по-своему толковал этот энергичный окрик: «Мануэл, пришел твой друг по имени Иди Сюда, привет тебе, Мануэл!»

Мануэл поднимал сжатый кулак в ответном приветствии, направлялся к раскачивающемуся на вспененной винтами воде сейнеру, протягивал советскому моряку руку, помогая соскочить на берег, и тут же получал на обед окуня или рыбу-капитана. Мешая португальский с умбунду, красноречивыми жестами объяснял русскому, что у берега в камнях водятся голубые рыбы. Они не годятся в пищу, зато красивы. Слава богу, не попадалась им в сети двоюродная сестрица голубой рыбы, тоже синяя, только с черными полосками на спине. Она, как ножом вспарывает сети и увлекает за собой весь улов. «Эти полосатые любят выпрыгивать из воды,— говаривал Мануэл.— Как заметите их, не мешкая, выбирайте сети».

Русский как будто все понимал, только иногда просил повторить сказанное. Как жаль, что Мануэл не знает его языка, а советский — ни умбунду, ни португальского. Но все равно им было весело беседовать вот так, при помощи жестов; и русский не торопился вслед за остальными из порта на свою базу, чтобы получить письма от родных из Мурманска, Одессы, Риги. Мануэл подметал причал, помогал заправлять топливом корабли и уходил домой, где его ждали дети и заботливая жена ставила на стол маниоковую кашу.

Однажды, проснувшись на заре, Мануэл ощутил острые рези в животе. Голова раскалывалась, трепала лихорадка. Проклятье! Придется остаться дома...

Жена, отправив детей в школу, сварила кукурузу, но Мануэла мутило от еды. Голова гудела, как мотор шаланды, он едва слышал голос жены.

Она поспешила в аптеку и, выслушав советы провизора, купила таблеток и микстуру.

Но лекарства не помогали, к вечеру Мануэла охватила страшная слабость. Перед глазами стоял туман.

— Помираю,— прошептал он,— пришел мой час.

Жена заставила его проглотить несколько ложек рыбного супа. Морские дары, выручайте старого рыбака! Но больному делалось все хуже, и женщину охватило отчаяние.

В одиннадцать вечера Мануэл опять заговорил:

— Конец мне, жена. Родственников у нас нет, дети останутся без отца, лишь на тебя надежда. Одно утешение, что я никому не делал зла...

Всю ночь он метался в беспамятстве, то обливаясь потом, то стуча зубами в ознобе.

В четыре утра Мануэл очнулся. Жена, прикорнувшая рядом с ним, тотчас проснулась.

— Уже светает,— прошептал он,— сходи в порт. Когда придут советские корабли, разыщи моего друга, его зовут Иди Сюда. Передай, что я хочу с ним поговорить, обязательно приведи его.

Было без малого пять, когда жена Мануэла вышла из дому. Ступая босиком по песку, она брела по пустынному пляжу.

Разрывая серый предутренний туман, в бухту входили советские корабли. Их вели мужчины с берегов Балтики, Черного моря, Тихого океана.

На причале ждала их согбенная горем женщина. Сердце ее сжалось от робости: как обратиться к незнакомым людям? Наконец, осмелев, она позвала:

— Товарищ Иди Сюда! Товарищ Иди Сюда!

Советские рыбаки гурьбой окружили ее.

— Товарищ! Иди Сюда! Где он?

Моряки недоуменно переглядывались.

— Иди Сюда,— снова позвала женщина.

Уставшие после бессонной ночи, русские только пожимали плечами. Покончив со швартовкой, они зашагали к воротам порта.

Женщина с болью глядела им вслед, но что она могла поделать? Подошло еще несколько судов, и, почти потеряв уже всякую надежду, она закричала:

— Иди Сюда, товарищ Иди Сюда! Где ты? Мануэл! Мануэл!..

Рыбаки останавливались, пожимали плечами и шли дальше. Женщине казалось, что из нее каплями вытекает кровь. Она все кричала, глотая слезы:

— Иди Сюда, Мануэл, Мануэл!

Из трюма показалась голова в белой кепке:

— Мануэл? Где он? Что с ним?

Ему указали на одинокую женщину, стоящую на причале.

— Мануэл!!!— крикнул молодой рыбак в белой кепке.

Женщина поняла: это он, тот самый! Вновь забрезжила надежда. Она подбежала к сейнеру:

— Мануэл болен! Мануэл умирает!

Рыбак спрыгнул на причал, схватил женщину за руку:

— Где Мануэл? Пойдем, пойдем!— И оба бросились к проходной порта. У ворот стоял белый микроавтобус советского консульства. Моряк поговорил со своими земляками. Потом вместе с женщиной сел в машину, и автобус покатил по асфальту.

— Где Мануэл? Куда ехать? Где Мануэл?

Женщина все поняла и принялась указывать дорогу:

— Направо! Налево! Прямо!..

Наконец они добрались до домика, окруженного кокосовыми пальмами. Моряку пришлось согнуться, чтобы втиснуться в крохотное помещение. Когда глаза привыкли к полумраку, увидел: превозмогая боль, Мануэл улыбался другу.

— Что случилось, Мануэл?— взволнованно спросил русский и пощупал пульс у больного. Он потрогал лоб, проверил, нет ли сыпи на теле. Потом выбежал из дома.

Автобус умчался, а женщина уселась на разогретый песок и принялась ждать.

Вскоре подкатила машина с красным крестом на белой дверце. Из нее вышли человек с седой шевелюрой и чемоданчиком в руке и русский рыбак — приятель Мануэла. Женщина провела их в дом.

Седовласый мужчина внимательно осмотрел больного, приложил какую-то трубку к его груди. «Сможет ли этот человек спасти ее мужа?» — думала женщина.

Наконец доктор присел к столу, взял бумагу, ручку и принялся писать. Потом передал листок русскому моряку...

Она проводила их до машины.

— Жди здесь, жди! Я скоро!..

Не прошло и часа, как молодой русский рыбак вернулся. Он прошел в хижину, налил в стакан темной жидкости, приподнял Мануэла за плечи и влил коричневую смесь ему в рот. Мануэл поперхнулся, беспомощно улыбнулся и, съежившись на постели, вскоре крепко уснул.

Рыбак тем временем выставил на стол целую батарею пузырьков с лекарствами.

— Вечером приду снова.— Он постучал по часам.— Мануэл пусть спит, не буди его.

Когда солнце уже садилось, друг Мануэла вернулся вместе с доктором. Тот опять осмотрел рыбака, сделал ему укол, обещал приехать наутро и свое слово сдержал.

Прошло два дня. На третий Мануэл начал поправляться, даже доплелся до порога. Он нежился на солнце во дворике. Опираясь на палку, изредка прохаживался вдоль дома, чувствуя, как ноют суставы.

— Жена, я теперь совсем молодец. Иди Сюда спас меня. Такие уж они, советские, всегда приходят на помощь друзьям.

— Уже два дня, как его нет,— посетовала женщина.

— Неужели ты не понимаешь? Они в море,— объяснил муж.— Рыба большими косяками идет нереститься на песчаных отмелях бухты Тигриш. Вот и суда уплывают дальше на юг. Не сомневайся, Иди Сюда вернется. Вот так-то, женушка. Теперь, если со мной что-нибудь случится, ты знаешь, как быть: обратись к Иди Сюда.

Женщина вспомнила, с каким трудом ей это удалось. Но теперь все позади, Мануэл поправляется на глазах.

На следующий день у дома Мануэла вновь показался светловолосый парень в белой кепке.

— Иди Сюда!— воскликнул Мануэл.

Советский улыбнулся. Должно быть, подумал, что его друг делает успехи в русском языке, и весело откликнулся:

— Ого!

Мануэл ткнул локтем жену:

— Что я тебе говорил? Ему нравится, когда я его зову по имени!

Мужчины шагнули навстречу друг другу, обнялись.

Перевел с португальского
М. ДОНСКОЙ.

ПОЮТ КОКЛЮШКИ ЗВОНКИЕ...

И. МИХЕЕВА

Поют еловые коклюшки. И из-под рук кружевниц выходят сказочные узоры — известные всему миру вологодские кружева. Ими любовались в Болгарии и Чехословакии, Бельгии и Италии, Турции и Франции. Хранятся они в Русском музее, во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства. Многие выставлялись на союзных, республиканских выставках, на ВДНХ. А сколько дипломов, грамот они заслужили!

Знаменитая «Снежинка» на Вологодчине объединяет более шести тысяч кружевниц. Среди них много мастеров высокого класса. Художники Виктория Николаевна Ельфина, Галина Никитична Мамровская рассказывают, что главные их творческие командировки — это общение с природой, ее удивительной красотой. Художники создают рисунки, по которым кружевницы осуществляют вологодское чудо, делают явью живую, близкую им красоту.

Анна Николаевна Сиротина, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, ветеран труда; ей шестьдесят семь лет, а кружева плетет с детства.

— Вся моя жизнь в кружевах,— говорит мастерица.— До войны, днем в колхозе работала, а вечером все равно за коклюшки бралась. Да и все село кружева плело — и взрослые и малые. Началась война, муж ушел на фронт, осталась я сама-четвертая: две дочки да старушка-мать. В колхозе тогда мы, женщины, всю мужскую работу выполняли, все на нас легло, не до кружева было.

В 1949 году семья Сиротиных переехала в Вологду. С тех пор Анна Николаевна — в «Снежинке»; пенсионеркой уже стала, но еще ни разу не случилось такого, чтобы не выполнила она план. И работает так, что доверили ей личное клеймо — высший знак качества.

— Кружевное дело поддерживать нужно, чтобы не потерялось,— считает мастерица.

И его поддерживают делом. При «Снежинке» давно уже существует профессионально-техническое училище. И обучаются здесь мастерству девушки не только с Вологодчины; приезжают с Урала, из Мурманска, из других городов. Изучают законы композиции и рисунка. Со временем приходят к молодым кружевницам и художественный вкус и верный глаз. Особенно же здесь ценят трудолюбие... Часто молодые вместе со старейшими кружевницами создают особо ценные, выставочные работы. Вот, к примеру, панно «Россия» — чудо красоты! В центре — Берегиня, олицетворение всего светлого, радостного на земле. В руках у нее ветви — это символ автономных республик; цветы — автономные области... Птица Феникс здесь олицетворяет общее счастье, а голубь несет мир...

— Младшая моя внучка, Наташа, тоже кружевом интересуется. Может, продолжит мое дело.

...Постукивают легкие сухие коклюшки, прослужившие десятки лет. И вспоминаются стихи Натальи Сидоровой, вологодской поэтессы:

Поют коклюшки звонкие,
Играют пальцы нежные,
Сплетая нитки тонкие
В узоры белоснежные...

Черемуховой веточкой
Пускай весна поделится,
То россыпью, то венчиком
Цветы в узоры стелются.

Панно «Россия». Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства в Москве.

Фото А. Козьмина

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПРЕСНЯ

Ольга **НЕМИРОВСКАЯ**

Высокий стройный человек, моложавый и сосредоточенный, шел по пресненским улицам, переулкам, ощущал неровности булыжной мостовой, специально оставленной со времен пятого года там, где шли жестокие бои; миновал зоопарк — здесь были баррикады и повернул в сторону бывшей мебельной фабрики Шмита — ее дружины вместе с ткачами знаменитой Трехгорной (Прохоровской) мануфактуры стойко держали оборону, когда выступления в других частях города уже были подавлены.

Ефим Дешалыт оглядывал редкие, случайно сохранившиеся с тех лет строения и снова и снова — в который раз — представлял, как все было тогда, в декабрьские дни девятьсот пятого года.

Эти памятные места еще лет двадцать назад художник обошел с Михаилом Степановичем Николаевым, старым большевиком, бывшим командиром боевых дружин. Вместе с Еленой Дмитриевной Стасовой и Григорием Ивановичем Петровским он консультировал его диораму, которую в 1955 году Е. Дешалыт делал для Центрального музея Революции СССР.

Прошло время. Эти два десятилетия художник много работал, создал более восьмидесяти больших и малых диорам, которые находятся во многих музеях страны, экспонируются на всемирных и международных выставках. Росли мастерство, живописная техника. Появился опыт и вместе с ним желание создать крупное, значительное произведение, которое стало бы своеобразным памятником для Москвы. В такие часы он всегда думал о Пресне. Связанные с нею героические события тревожили душу мучительным исходом, жестокостью, с какой была подавлена первая русская революция, и восхищали отвагой людей, поднявшихся на борьбу с царизмом, их упорством, мужеством.

В 1977 году на всесоюзной выставке, открытой к 60-летию Октября, в Центральном выставочном зале художник показал четыре картины, посвященные Красной Пресне,— самостоятельные произведения, но он относся к ним, как к эскизам будущей большой работы. Это было его предложение к созданию, как он мыслил вначале, круговой панорамы. Хотелось показать те дни крупно, образно, ярко, не только восстановить историю, но главное — сообщить зрителям эмоциональный заряд, чтобы они сердцем могли почувствовать величие революционного порыва, красоту человеческого подвига, подвига восставшего народа.

В новом, недавно отстроенном здании музея «Красная Пресня» он заглянул как-то в лекционный зал. И сразу понял, что именно здесь идеально разместить задуманное произведение. Для панорамы, имеющей форму цилиндра, зал не годился — слишком вытянут: двадцать метров в длину, десять — в ширину, но диорама впишется удачно. Он был так взволнован, убедителен, вдохновлен, что в райкоме и горкоме партии, в дирекции Центрального музея Революции, к которому относится этот филиал, с ним сразу согласились. Уговаривать никого не пришлось: впечатляющий эффект самого диорамного искусства, его доходчивость испытаны в музейной практике и очевидны, а народный художник РСФСР Е. И. Дешалыт — признанный мастер.

Весь 1978 год он занимался проектом; изучал сочинения В. И. Ленина, перечитал все, что написано о декабрьском восстании,— научные труды, воспоминания, художественную прозу, документы. Тема была выношенная, взлелеянная, долго зревшая изнутри. Диорама виделась ему воочию, и он уже знал, что и как покажет в ней, какими будут дальние и ближние планы, где вырастут баррикады, откуда будут наступать солдаты и драгуны, посланные для усмирения восставших, как будут держать оборону дружинники, а их жены, матери помогать раненым.

Он хотел показать события, место действия во времени и пространстве, чтобы зритель мог увидеть происходящее в целом, вписанным в широкую перспективу города. Художник выбрал высокую точку зрения, хотя представлял, насколько осложнит себе работу. Надо было совершенно точно знать расположение всех приметных московских строений. На них не акцентируется внимание, но они передают колорит эпохи, и даже малейшее отступление от истины он не мог себе позволить. В такой работе все должно быть исторически верно — для этого он просмотрел все планы города.

Предварительные работы наконец завершены, проект одобрен и принят. В музейном зале натянули холст площадью более двухсот квадратных метров, придав ему сферическую форму, дабы усилить впечатление объемности, построили специальные леса — передвижные, на колесиках, и художник начал расписывать полотно. Запечатлел тысячи людей, стараясь, чтобы за общим настроением события виделся живой человек. Всю живопись Е. Дешалыт выполнил один, без помощников, зачастую в неудобных позах, на весу. И все же это было счастье. То, что он ценил в искусстве и в жизни, его убеждения, пристрастия воплощались в этом грандиозном произведении. Здесь сошлись воедино его приверженность к темам героическим, овеянным славой побед, революционной романтикой, и увлечение крупной формой, пространственным искусством диорамы. К тому же у него была реальная возможность сделать что-то значительное для родного города.

Мальчишкой он рисовал бои на улицах Мадрида. Тогда, в тридцать шестом, ему было пятнадцать. Тема подвига продолжилась в дипломных графических листах, посвященных защитникам Севастополя. А спустя годы появились диорамы, показывающие штурм Зимнего, бои с татарскими полчищами за древние Рязань и Владимир, освобождение Кривого Рога от фашистов в 1944 году, стачку иваново-вознесенских рабочих в мае девятьсот пятого. Он всегда чувствовал себя пропагандистом, агитатором, рассказывающим средствами своего искусства о созидательном труде советских людей, о красоте Отчизны, ее старых и новых городов, ее природы. «Преображенная Сибирь», «Красноярская ГЭС», «Симбирск — родина В. И. Ленина», «Артек», «Норильск», «Большие Сочи», «Антарктида», панорамы «Луна» и «Венера»... Недавно вышла в свет подборка открыток с рисунками и фото космонавта В. Джанибекова. На внутреннем развороте ее обложки воспроизведен фрагмент «Венеры» Е. Дешалыта.

Его панорама «Москва — столица СССР» пользовалась большим успехом у американской публики. Художник использовал несколько интересных приемов с подсветкой, и зрители увидели нашу столицу на заре, когда первые лучи солнца играют на ее золотых куполах, отражаясь в стеклах окон, ясным полднем и вечером, залитую миллионами разноцветных огней. Праздничная, мажорная музыка дополняла впечатление, и создавалось светлое, радостное настроение.

Ощущение масштабности событий пришло к нему от кино, которое воспитало своеобразное панорамное видение, чувство перспективы и пространства. Е. Дешалыт окончил художественный факультет Института кинематографии; одним из его профессоров был Ф. Богородский — все творчество этого мастера дышит пафосом гражданственности. Создавая диорамы, Е. Дешалыт вспоминал, как строил мизансцены С. Эйзенштейн, когда снимал «Ивана Грозного»,— студентом он часто бывал на съемках этого фильма. Как организовывал массовые сцены В. Пудовкин в киноленте «Убийцы выходят на дорогу»,— окончив ВГИК, он работал на этой картине вторым художником.

...Показ диорамы сродни театральному зрелищу, рождает иллюзию реальности, причастности к событию. И художник цветом, словом, звуком, светом организует восприятие зрителей. Его фантазия распространяется не только на живопись, но также на архитектуру, скульптуру — объемную пластику, так называемый предметный план, существенную часть диорамы.

Е. Дешалыт чувствует себя режиссером, когда продумывает мизансцены, расположение предметов, фигур, их позы, выражение лиц. Когда работает над музыкальной партитурой, звуковым оформлением, помогающим создать нужное впечатление. Когда «ставит свет», ищет его выразительную направленность, силу, тональность. Порой он изобретатель — применяет новые материалы, технические усовершенствования. Бывает драматургом, сценаристом — сочиняя текст для демонстрации диорамы. Как это упоительно — творить широко, раскованно, смело, словно чувствуя за спиной взволнованное дыхание тысяч людей, которые придут смотреть на твое создание...

Почти четыре года длилась работа в самом музее. Иногда Е. Дешалыт оставлял живопись, чтобы вместе с макетчиками строить мосты, баррикады, выполнять объемные изображения бойцов. Одновременно под его руководством шили для них костюмы, одевали, гримировали. Делали сложную электросистему, записывали музыку.

И вот, наконец, диорама открыта для показа. На смотровой площадке вы как бы возноситесь над местом действия — это взгляд на событие из будущего, спустя почти восемь десятилетий. В темном зале тишина, а рядом, над баррикадой, красное простреленное полотнище на простом древке. Постепенно возникает органная музыка, включается освещение, звучат торжественные слова: «Ленинской партии большевиков, героическому рабочему классу Москвы посвящается!» Так начинается сеанс. Он длится десять минут, а вмещает время протяженностью в девять суток. События спрессованны, сжаты, насыщены динамичным, драматическим действием. Вы погружаетесь в атмосферу происходящего и вместе с теми, кто изображен на полотне, кто сражается у Горбатого моста, переживаете дни восстания. Видите сотни людей, устремленных к местам сражений, чувствуете их решимость, желание победить. Трубят гудки заводов и фабрик, рвутся снаряды; день сменяет ночь; наступает тревожный рассвет перед трагическим финалом. Небо застилает дым пожаров, багровые сполохи мечутся по земле, над городом пылает зарево. Пресня становится Красной.

Звучит гимн борцам Революции, медленно гаснет свет, и только видно, как реет алый стяг над группой дружинников. И вы, потрясенные самоотверженностью восставших, долго еще слышите ленинские слова: «Подвиг пресненских рабочих не пропал даром. Их жертвы были не напрасны...» Революция 1905 года явилась генеральной репетицией победоносного Великого Октября.

НА ВКЛАДКАХ:
диорама народного художника РСФСР Е. Дешалыта
«ГЕРОИЧЕСКАЯ ПРЕСНЯ. 1905 ГОД».

Фото Дм. Бальтерманца

УРОК ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Георгий МЕНГЛЕТ,
народный артист СССР

Я прожил довольно длинную жизнь. Стал столичным жителем, учился у людей, чьи имена сейчас обрели уже значение историческое, с упоением погрузился в жизнь театра, которая стала моей жизнью. А Александра Ивановна Лепинь по-прежнему присутствует в моей судьбе, в памяти — такая же, какой я видел ее в школе.

Да она с годами и не менялась. И когда за год до войны я приехал в родной Воронеж и, как всегда, первое, что сделал,— пошел к ней, моя учительница словно вернула меня в прошедшую юность: по-прежнему угловатая, сутуловатая, с внимательными строгими глазами, на дне которых пряталось что-то такое, что и сегодня меня, пожилого уже человека, заставляет думать о ней с чувством благодарности и светлой печали. Хотя она казалась, наверное, кому-то немножко смешной, похожая на курсистку дореволюционных лет, всегда в одном и том же строгом костюме, с непомерно большим портфелем, но это, пожалуй, лишь тем, кто мало знал ее. Потому что если уж она входила в чью-нибудь судьбу, то, сама того не ведая, покоряла человека. Был у нее перед войной ученик. Он приехал из деревни и попал в образцовую городскую школу, в которой наш класс считался лучшим. Ребята между собой говорили о Достоевском и Бальзаке, о Диккенсе и Лонгфелло, а он за свою жизнь дома почти ничего не читал... Одноклассникам было с ним скучно.

Александра Ивановна, зорко и ненавязчиво наблюдая за нами, вовлекала новичка в жизнь класса, давала нетрудные задания; он смущался, запинался от волнения, а она выслушает, скажет: «Надо не только знать, но и чувствовать»— и поставит «отлично».

Однажды мальчик пришел в школу в овчинном кожухе, который сшил ему отец. Один из наших ребят, относившийся к новичку с особой неприязнью, собрал ребят, которые окружили мальчика и до самого дома бежали за ним с криком: «Кожух, холстинник!» — насмехаясь с той безоглядной, бездумной жестокостью, на которую мы иногда бываем способны именно в отрочестве. Парень решил бросить школу, не пошел на уроки — целый день думал, как отомстить обидчикам. Но вечером пришла Александра Ивановна и села с ним заниматься по всем предметам, которые он тогда пропустил, потом оделась, взяла в одну руку свой огромный портфель, а в другую кипу тетрадей, которые туда не поместились.

— Видишь, сколько мне нужно проверять?— сказала она. И предупредила:— Если завтра тебя не будет в школе, я снова приду. Ее глаза казались особенно усталыми, и он ответил, что придет на уроки...

Как же удивительны бывают иногда события нашей жизни: на выпускном вечере Александра Ивановна, торжественная, особенно приподнятая, читала стихи:

Были сомненья ей дики,
Полной огня и тревог,
Помню любила гвоздики,
Красный цветок.
Каждый увидеть в собранье
С этим цветком ее мог,
В шутку ей дали названье —
Красный цветок.
Раз непогодной порою
Злобный настиг ее рок:
Был у нас вырван тюрьмою
Красный цветок...

Могли ли мы предположить, что эти строки были своего рода предсказанием трагической судьбы нашей Александры Ивановны.

Вместе с ней погибла и ее сестра Ольга Ивановна.

Их допрашивали три дня. Полицай ломал им руки дверью, требуя, чтобы назвали, выдали партизан... После третьего допроса даже конвоир содрогнулся и принес сестрам Лепинь воды в ледяной тамбур. Они не могли взять кружку: переломанные руки держались на одних сухожилиях. Погибли они молча, в том селе, куда занесла их судьба беженцев.

До сих пор хранят в том селе память о своей учительнице. Хранят томик Шиллера, с которым она не расставалась. Когда после войны я узнал об этом подвиге, все, что связывало нас, преисполнилось для меня каким-то особым, важным смыслом, возникло беспокойное желание вспомнить все, что было связано с жизнью Александры Ивановны, и как-то по-новому взглянуть на себя самого.

Далеко не всякий педагог может стать наставником молодых. А ведь с этого все и начинается. Курс литературы, который читала нам Александра Ивановна, выходил за рамки элементарного приучения к книге и приготовления уроков. Сама личность писателя, его духовный мир подавался с такой увлеченностью, на которую способен только очень интеллигентный и талантливый человек. Она всегда знала о писателе больше, чем полагалось по программе. Моя первая встреча с романом Гончарова «Обломов» была неудачной: одолевал его с трудом, опуская целые страницы. И вот урок. И она просит меня высказать свое мнение о романе. А она — даже если наша точка зрения не совпадала с общепринятой — всегда требовала от нас правды. И я сказал, что книга мне не понравилась, что Гончаров пишет скучно и длинно. Моя юная необразованная душа больше тяготела к тому чтиву, которое сейчас именуется бестселлерами, но я не стеснялся этого, так как был уверен, что ни ругани, ни двойки за искреннее признание не будет.

Наступила долгая гнетущая пауза. Глаза учительницы повлажнели.

— Как мне тебя жаль, Менглет!— сказала она тихо.— А ведь ты хочешь идти в искусство!

И вот как-то незаметно мой неудачный ответ определил весь дальнейший ход урока. Это не был разбор романа по схеме школьной программы, мы просто узнали о горестной жизни Ильи Ильича, о том, как потерял себя этот честный, умный, душевно одаренный человек, подчинившись обстоятельствам жизни... А я-то все это пропустил, не заметил!..

Всегда она учила нас думать и на занятиях школьного драмкружка, искать мотивы человеческих поступков во время репетиции. Помню наши «Горе от ума», «Плоды просвещения»... Они тоже несли не только знание программы, но сеяли в нас зерна духовности, нравственности.

— А вы знаете, ребята,— как бы невзначай говорила она,— в воскресенье дают «Женитьбу Фигаро». Мне бы хотелось, чтобы и вы это увидели!

И нас не надо было «организовывать», навязывать билеты, водить культпоходом. Мы сами бежали после уроков в театр на выпрошенные у родителей деньги. Выстояв очередь, покупали билеты на галерку и шли в театр как на праздник. Шли даже те, кто отнюдь и не собирался посвящать себя искусству.

Никогда не забуду зрительного зала в старом Воронежском театре — бархат и лепнина делали его уютным, таинственным. Я смотрел на бордовый занавес, слышал, как затихает зал, и ждал чуда. А потом вдруг замечал, что из глубины темнеющего зала на меня и моих товарищей глядит, поблескивая очками, Александра Ивановна, пришедшая «сама по себе». Она здоровалась кивком, и ведь невозможно было в той обстановке крикнуть ей в ответ: «Здрасте, Александра Иванна!» Невозможно было вести себя развязно.

Может показаться, что нашему благоговейному отношению к простому провинциальному театру нас никто не учил: наше существо само откликнулось на него. Но это было не так. Александра Ивановна, как добрый сеятель, заронила в нас уважение к литературе и искусству. Театр, актеры дарили что-то очень важное, и мы уже не могли вести себя иначе...

Да, с годами я стал все больше понимать, что наши учителя были людьми подвига: за каждое свое высокое слово они отвечали жизнью; рядом с ними мы чувствовали, что должны быть достойными во всем... Стоило одному из моих товарищей попытаться на уроке подсказать мне что-то, как Александра Ивановна немедленно остановила его:

— Спасибо за сообщение. Оставьте, пожалуйста, класс.

И по сей день помню стыд, пережитый на том уроке.

Уезжая в Москву поступать в Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского, я вез рекомендательное письмо к замечательному актеру и педагогу Художественного театра Василию Васильевичу Лужскому, которое мне дала Мария Сергеевна Иванова, племянница Константина Сергеевича Станиславского. Но все-таки я не воспользовался им. Потому что в последний момент почувствовал, что должен сам поступить в театральный институт, без чьей-либо помощи... Александра Ивановна знала о письме Марии Сергеевны; она верила в мои способности. Но тем, что я не обратился к Лужскому, я обязан ей...

Как-то несколько учеников нашего класса, в том числе и я, захотели узнать, что говорится о нас на педсовете, но Александра Ивановна внезапно вышла из учительской. Она вздрогнула, застав нас, подслушивающих у дверей... Мы ожидали крупных неприятностей — приглашения к директору, вызова родителей... И ошиблись! Все обошлось благополучно. Но облегчения нам это не принесло.

На следующий день на уроке Александра Ивановна сказала:

— Я говорю всегда в глаза то,

что думаю, не надо подслушивать. И вам советую жить так, чтобы никто вас не подслушивал.

Несколько лет назад я рассказал об Александре Ивановне на страницах газеты «Советская культура».

После мне писали одноклассники: они так же трепетно хранят память о ней. Но вот совсем недавно пришло особенно взволновавшее меня письмо от Сергея Самуиловича Беркнера, доцента кафедры английского языка Воронежского педагогического института. Он писал, что руководит студенческим клубом «Красная гвоздика» и что судьба сестер Лепинь заинтересовала его еще и потому, что Ольга Ивановна преподавала в этом институте. Она проделала огромную, сложнейшую работу: в фондах Воронежского краеведческого музея хранились собранные в 1917 году при ликвидации помещичьих имений тысячи книг на иностранных языках, и Ольга Ивановна с огромным увлечением и самоотверженностью начала создавать библиотеку иностранной литературы, ставшую основой для нынешнего институтского фонда.

В поисках материалов о сестрах Лепинь Беркнеру помогала Валентина Константиновна Довгер-Рыбак, героиня партизанского движения, соратница легендарного разведчика Кузнецова, описанная Медведевым в книге «Это было под Ровно».

Исследования студенческого клуба открыли новую, неизвестную даже нам, ученикам Александры Ивановны, страницу жизни сестер Лепинь — их юность. Сами они о себе ни говорить, ни заботиться так и не научились.

Александра и Ольга Лепинь — латышки. Окончив Дерптский (ныне Тартуский) университет, приехали в Воронеж. Обе они были необычайно образованны, владели несколькими иностранными языками. Но самым главным в них была глубокая убежденность в истинности идеалов, которым служили сами и учили служить своих учеников... Это еще раз подтвердила война, когда они активно помогали партизанам, оказывали помощь продовольствием, сообщали о продвижении немецких войск... Обе сестры Лепинь распространяли листовки, и обе погибли по доносу предателя.

Вот строки из воспоминаний Анастасии Федоровны Зарецкой, жительницы села Звонковое,— она была последней, кто находился рядом с Александрой Ивановной и Ольгой Ивановной перед их казнью.

«В камере ко мне подползла Ольга Лепинь. Ее лицо было черным от побоев, руки окровавлены, опухли... Хочу передать ее предсмертные слова: «Нас расстреляют. Это ясно. А тебе, может, посчастливится. Передай нашим, что мы держались как подобает...»

Они родились в Латвии, а учили ребят в России, в Воронеже. Найдешь ли более убедительный пример интернационализма, верности Советской Родине?

Они прожили свою жизнь набело!.. Я от всего сердца поддерживаю инициативу воронежских студентов, обратившихся к руководству города с предложением назвать именем сестер Лепинь улицу в Воронеже и нашу бывшую школу. Только пусть это будет не просто улица Лепинь, а улица имени учительниц, сестер Лепинь.

МЫ ЕДЕМ

Нина **НОВОСЕЛЬНОВА**

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

— Завтра мы едем в Москву, к Ленину,— сказала Варвара Александровна.

Боря, наиболее темпераментный из нас, вскочил и захлопал в ладоши.

— Тише, дети, я еще не закончила. Надо взять с собой на дорогу немного еды и деньги на проезд до Москвы и обратно. Собираться на станции возле касс в девять утра.

Мы так ликовали, что прослушали звонок, и наша злющая тетя Феня распахнула дверь и зазвонила прямо на пороге класса.

...И вот мы едем. Паровоз свистел, и шипел, и ухал — ну прямо оркестр, а не паровоз! Тащились мы до Москвы около двух часов. Вагоны скрипели и качались, и Верочка Сахарова, впервые ехавшая по железной дороге, испуганно жалась ко мне, в особенности когда поезд шел по крутой насыпи или по мосту.

— Да ты не смотри в окно,— сурово говорила я ей, чтобы успокоить.— Все будет хорошо. Хочешь, поменяемся местами?

А с краю сидел Коля Герасимов, и Верочка даже плечами передернула:

— Рядом с мальчишкой? Ни за что на свете!

— Ну давай я к окну сяду, а ты с краю. Хочешь?— предложил Коля, и я с удивлением посмотрела на этого паренька в синей застиранной косоворотке и ладных сапожках.

Пересели. Верочка успокоилась. А я стала потихоньку присматриваться к Коле. Он мой ровесник, подтянутый, сообразительный, с улыбчивыми серыми глазами. Трудно поверить, что его отец, сапожник, пьет горькую, бьет жену и детей — по Коле этого никак не скажешь. Или он такой самолюбивый, что все скрывает?

В общем, так мы и ехали, покачиваясь и позевывая... Варвара Александровна поверх своей лиловой кофты с буфами надела старенький, аккуратно подштопанный жакетик, а на высоко поднятых ее волосах чиненная-перечиненная кружевная косынка.

Однообразный перестук колес, поскрипывание вагона укачивало, и я задремала, прикорнув на Верочкином плече.

Разбудил меня мальчишеский голос, сильный, чистый, переливчато-звонкий. Посреди вагона стоял паренек лет тринадцати, в большом, явно с чужого плеча пиджаке, или, как их называли, «клифте». Фуражка у него была почему-то перевернута козырьком назад. Такая уж мода была у беспризорников двадцатых годов! Он был бы очень красив, этот беспризорник, если бы его хорошенько отмыть и причесать. Глаза широко распахнутые, черным-черные, брови как нарисованные, и к тому же очень подвижные: то он их сдвигал к переносью, то высоко вскидывал левую, а правую опускал — от этой живой, естественной игры тонких бровей лицо его принимало все время различные, порой еле уловимые оттенки чувств; это не было наиграно, и люди невольно всматривались в его лицо и прислушивались к ясному, чистому голосу. Их много ходило в то время по вагонам, этих беспризорных ребят, и пассажиры привыкли к ним, почти не замечая, что они поют или говорят.

Совсем не то было сейчас. Этот чернявый не старался, как другие, разжалобить людей, заставить женщин поплакать над его «разнесчастной долей» сироты, чтобы получше платили. Этот пел так, как будто последним хлебом с близкими людьми делился — все отдавал! И хотя мотив был давно знаком даже нам, детям, но слова песни были такие, что все сразу повернулись в его сторону: бросили карты, кто играл в «подкидного дурачка», бросили болтать бабки с кувшинами и корзинами. Мальчишка крепко, по-волжски окал, и это тоже усиливало впечатление, потому что пел он о великом горе народном — о голоде, засухе в Поволжье, когда Ленин призвал весь народ на помощь голодающим. И, как всегда, люди вняли словам любимого вождя и, сами полуголодные, поделились с голодающим Поволжьем. Но сколько жизней уже было загублено, сколько горя принесла эта засуха! Для старших эти годы еще не стали «историей», а мы, детвора, знали об этом из рассказов старших, видели фотографии детей на тонюсеньких ножках, но с огромными, вспученными от лебеды животами. И вот сейчас чернявый парнишка опять напомнил людям про эти страшные годы. Напомнил песней искренней, доверительно-правдивой. Он пел:

Стали плакать сестрицы,
Стала мать слезы лить,
Не хватало водицы,
Чтобы рожь напоить.

И собрался я в город,
Поклонившись отцу...

Одна старушка, плача, протянула мальчишке два пирожка, другая, вытирая слезы, дала яблоко. Все эти дары исчезли в широких карманах его непомерного «клифта», а деньги он аккуратно прятал куда-то за пазуху. И всех благодарил, как-то застенчиво, по-крестьянски кланяясь.

— Да ты бы сел да поел,— сказали люди.

— Не, у меня сестренка. Ей снесу.

Подошел он и к нашей скамейке, а я удивилась, что они с Колей Герасимовым обменялись дружескими улыбками. Денег у нас, конечно, не было, но я отдала ему половинку большого бутерброда с колбасой.

— Ну и что там, на Мурашкиной даче?— спросил Коля.— Говорят, детдом закрывают, куда ты теперь?

— А там музыкальная школа будет. Уже отбирали, кто годится.— И смущенно улыбнулся: — Меня и Ониську берут.

— Сестренка тоже поет?

— О, получше меня! Только я ее не пускаю по вагонам, обидеть могут... А голос у нее — во-о!

— Вась, спел бы «Бродягу»,— попросил молодой парень в кожаном картузе, похожий на рабочего. За всю дорогу он не проронил ни слова, прислонясь к боковой стенке вагона, и, натянув картуз почти на самый нос, досматривал утренние сны.

Вася оглянулся на него, приветливо улыбнувшись, тихо сказал Коле Герасимову:

К ЛЕНИНУ

— В случае чего зекай!

— Будь спокоен,— отозвался Коля, а Вася опять встал посреди вагона. Сразу все замолчали, и парнишка, высоко вскинув кудрявую голову, запел:

Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской, дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной, узкою тропой.

Последние строки пел уже почти весь вагон: и Коля, и парень в кожаном картузе, и старушки с бидонами тоненько подтягивали, но в слове «звери-иной» всех выше, чище и звонче прозвучал голос Васи.

— Хорошо поет! Прямо соловей, аж слезу выжимает!— растроганно сказал пожилой мужчина, по виду мастеровой человек.

Но допеть до конца песню не удалось: протяжно, по-разбойничьи свистнул Коля, а парень в картузе негромко сказал:

— Рви, Васек!

В тамбуре блеснули медные пуговицы контролера, и Васек мгновенно очутился в другом тамбуре и вдруг спрыгнул на песчаную насыпь. Все как один бросились к окнам. Контролер успел только погрозить кулаком смелому мальчишке.

— Что вы его гоните? Помешал он вам?— слышалось со всех сторон.— Поет-то как! Артист! Не тем людям вы кулаками грозите. Нэпманам грозите, а не мальчугану осиротевшему!

И седой, грузный старик контролер, растерявшись, не сразу нашел для ответа нужные слова.

— Артист! Знаем мы этих артистов: пять минут постой — карман пустой! И вообще нет такого закона, чтобы безбилетники по вагонам шастали. А я как при исполнении обязанностей, отвечаю!

— Насчет пустого кармана это вы зря, дяденька! Он не ворует,— вступил в разговор Коля Герасимов.

— А ты-кто такой будешь? И почему старшим возражаешь?— Контролер грозно надвинулся на Колю.

Но тут Варвара Александровна встала и подошла почти вплотную к тщательно начищенным мелом медным пуговицам.

— Прошу вас оставить в покое этого мальчика. Он едет с классом в Москву, в Мавзолей Ленина, и я отвечаю за него, как и за других детей. Вы меня поняли?

Контролер молча попятился и, не проверив билетов, только свирепо оглядев пассажиров, ушел в другой вагон.

— О, господи!— почти простонала Варвара Александровна.— Хоть бы скорей доехать! А с тобой, Коля, мы завтра поговорим.

Коля вежливо встал, смело посмотрел в глаза Варваре Александровне и сказал:

— Я знаю Васю. Он и сестренка остались сиротами. Они с Поволжья. Я давно их знаю. Отец ушел за хлебом — и пропал, а мать умерла. И детей начали по разным детдомам таскать, а там было плохо, голодно... Чем он виноват?

И Варвара Александровна отвела глаза.

— Господи, воля твоя...— выдохнула, как простонала, женщина с корзинкой на коленях.— Детей-то, детей за что испытуешь?

— А дети за все в ответе, за все беды на свете! — ответил ей паренек в кожаном картузе и встал, потягиваясь как-то очень по-домашнему.— Мне вот повезло, в хорошую трудкоммуну попал, умные люди к труду приучили. А сколько еще этих Мурашкиных дач!— И, махнув рукой, пошел к выходу: поезд подъезжал к станции, на которой было большое депо.

— Как же ты хорошо сказал, милый: «Дети за все беды в ответе». Истинно так. Как же тебя зовут, чтобы богу за тебя помолиться?!

Паренек сдвинул с носа на лоб свой кожаный картуз, взмахнул тяжелыми, как крылья бабочки-монашки, ресницами, на лоб упала светло-каштановая прядка волос. Он усмехнулся краешком полных губ:

— Зовут меня Владимир... В общем, Володя. Учусь на помощника машиниста. А молиться за меня не надо. Я теперь и без молитв свою дорогу не потеряю.

Таким он мне и запомнился, Володя, который должен скоро стать помощником машиниста, а там, гляди, и сам составы поведет.

Пассажиры опять заговорили, перебивая друг друга, ссорясь и смеясь, о боге, о судьбе, потому что в те дни это было для многих больным вопросом.

Наконец, с гудками, шипением, кряхтеньем доехали.

Потом мы тряслись на трамвае, который шатало и раскачивало на рельсах куда больше, чем поезд, и долго шли пешком, пока попали на Красную площадь. По пути Варвара Александровна рассказывала нам о Красной площади, о Лобном месте, о Кремле, о затейливом соборе Василия Блаженного... Все это было интересно ребятам. Даже Шурка-Телок сейчас шел с распахнутыми глазами и открытым ртом и был скорее похож на галчонка. Так дошли до Мавзолея. Был он деревянный, низенький, около входа стояли два красноармейца в длинных, до пят, шинелях с малиновыми «разговорами».

— Дети, здесь — ни слова!— торжественно и почему-то тихо провозгласила наша учительница, и мы вошли в Мавзолей.

Вот он — Председатель Совнаркома. Организатор и руководитель партии большевиков. Это он повел людей на штурм царизма. Люди пошли за ним — и победили. Потом была трудная, изнуряющая война — гражданская. Странно это звучит: «гражданская война». Но на ней погиб мой отец, погиб дядя Володя — не шуточная была война! Потом разруха. Голод. Блокада. И засуха в Поволжье. Ленин призвал народ на помощь голодающим, на помощь детям с раздутыми от лебеды животами. И люди опять пошли за вождем. Потому что это был настоящий народный вождь, который себя не жалел, ничего для себя не хотел, кроме одного — счастья народного.

Ленин... Он так мало прожил на свете. Как он успел столько сделать, что и на три жизни хватило бы?

Хотелось запомнить каждую черточку этого строгого лица, такого сейчас спокойного, но сзади уже подталкивали:

— Иди, иди вперед, не стой на месте!

«Иди вперед, не стой на месте!»— эти слова, сказанные мне в Мавзолее, тихонько, шепотом, стали для меня как бы напутствием на всю жизнь.

СОВРЕМЕННЫЙ КИНОГЕРОЙ

Книга «Восхождение к герою» [1] принадлежит перу известного советского киноведа, доктора философских наук, профессора Евгения Громова. Я намеренно здесь перечислил ученые титулы автора — кстати сказать, не все, — с тем чтобы сразу же заверить будущего читателя: с унылой наукообразностью, которой подчас грешат некоторые искусствоведческие сочинения, эта работа ничего общего не имеет.

Евгений Громов многократно подтверждает свой дар яркого публициста в статьях о наиболее заметных явлениях нашего кино, в рецензиях на конкретные фильмы, регулярно публикуемых популярными периодическими изданиями.

Полагаю, что именно этот постоянный, чисто журналистский «тренинг», как, разумеется, и глубочайшее знание материала, делает столь увлекательными его размышления о картинах для молодежи, о проблемах современного киногероя. Круг именно этих проблем, как убедительно свидетельствует Евгений Громов, не сходит с повестки дня.

В свое время Алексей Максимович Горький сказал: судьба героя — вот главное, что вызывает интерес к художественному произведению. Сказано это было в связи с фильмом «Чапаев», и поныне остающимся одним из самых популярных кинопроизведений.

А на нашем экране нет-нет да и появятся весьма грамотно, профессионально снятые работы, в которых действуют персонажи вялые, аморфные, без четко выраженной социальной идеи... Вряд ли возможен диалог, а тем более спор с подобными экранными «характерами» (героями их никак не назовешь!) о самых сложных вопросах бытия, о смысле жизни, особенно волнующих человека.

Вместе с автором книги «Восхождение к герою», оперирующим множеством примеров из богатейшей практики советского кинематографа, мы неизбежно приходим к выводам, сделанным основоположниками советской педагогики: без постановки высших задач перед молодежью никакая серьезная воспитательная работа невозможна.

А такие высшие задачи перед нашими юношами и девушками ставил и ставит советский кинематограф в своих лучших произведениях. Кинематографу глубокой мысли и высоких чувств присущи яркая зрелищность, острый сюжет, информационная насыщенность, документальная достоверность... Однако «главный магнит экранного искусства», считает автор, «спрятан» в тех героях, роли которых исполняют талантливые и обаятельные актеры. Между героями и зрителями устанавливаются невидимые, но неразрывные, прочные связи. Они и обеспечивают фильму устойчивый успех, популярность.

Самые известные герои нашего кино всегда остаются с нами. Это прекрасно доказывает своей хорошей книгой Евгений Громов.

Феликс АНДРЕЕВ

[1] «Восхождение к герою» (Экран и молодежь). М. Издательство «Просвещение», 1982 г.

ГДЕ УКРЫВАЮТ ПАЛАЧЕЙ

Александр **ПАЛЛАДИН**

Саут-Ривер — небольшой городок в штате Нью-Джерси. В ясную погоду с его холмов можно разглядеть предместья Нью-Йорка. Бензоколонки, с десяток церквей, домики с непременными палисадниками. Типично одноэтажная Америка.

Есть в Саут-Ривере и своя Мейн-стрит — текущая под гору главная улица. Встречным машинам на ней только-только разъехаться, а шире и не нужно: движение в городке неспешное. С обеих сторон вдоль узкого тротуара тянутся перемежаемые парой-тройкой закусочных торговые лавки. Их череда справа вдруг прерывается крошечным сквером. У входа в дощатое двухэтажное здание саут-риверской мэрии — серого камня скромный памятник уроженцам города, погибшим в первой и второй мировых войнах. 56 фамилий в два столбца — добрая половина славянского происхождения, но с именами, переиначенными на американский лад: Кондратюк Питер, Яремчук Джон, Покликуха, крещенный, вероятно, Владимиром, а голову сложивший как Уолтер...

Сколь мне известно, во вторую мировую войну американцы своих сограждан, убитых на заокеанских полях сражений, за редким исключением домой не вывозили — хоронили на месте. Стало быть, останки тех же Кондратюка и Яремчука, если они воевали в Европе, покоятся в Старом Свете. И не исключено, что их сразила пуля, выпущенная кем-то из фашистских прихвостней, доживающих свой век в Саут-Ривере.

Их, этих подонков, в стоящем в стороне от крупных магистралей городе не один десяток. Каждый год в конце марта они собираются на Уайтхед-авеню в помещении «Белорусско-американского клуба»; стараясь не отстать от молодежи, горланят песни, пьют вино, водят хороводы. Глядя на них, не поверишь, что вот этот или другой из них сорок лет назад сбрасывал в колодец младенцев и потом добивал их гранатой...

Рядом с «Белорусско-американским клубом» — православная церковь святой Ефросиньи. Тоже своего рода клуб, для других закрытый. Прихожане — все те же предатели белорусского народа и члены их семей. Что и говорить, удобно: можно, не таясь, замаливать кровавые преступления с гарантией отпущения грехов.

Впрочем, вряд ли у этих людей даже во сне защемит сердце, заноет душа, а память всколыхнется предсмертными воплями их жертв. Душу в себе они задушили собственными руками, а память выжигают ненавистью к бывшим землякам да усыпляют самовнушением, будто не выродки они вовсе и не злодеи, а герои.

Чтоб и другие в это поверили, на пригорке за церковью поставили монумент — не чета памятнику перед мэрией. На массивном фронтоне всадник со щитом и мечом, сверху — чугунный крест с круглой дырой посередке. «Слава тем, кто сражался за свободу и независимость Белоруссии!» — бежит по постаменту славянская вязь, тут же услужливо переведенная на английский. Незнакомым с символикой третьего рейха и невдомек, что за «свободу и независимость» воспевает невинное с виду изречение.

Крест, венчающий монумент,— эмблема тридцатой гренадерской дивизии СС, в состав которой входила сформированная из предателей бригада «Беларусь». Вот так же, как на этом неслыханном по наглости сооружении, аналога которому не сыскать ни в одном другом государстве антигитлеровской коалиции, фашисты мечтали с помощью своих прислужников поставить крест и на советских республиках. Отметинами их злодеяний остались на нашей земле миллионы могил, в которых лежит и каждый четвертый житель Белоруссии.

Пора, однако, ехать дальше. Предстоит разыскать еще один след нацистской нечисти на территории Саут-Ривера — место захоронения тех вояк «Беларуси», кто сбежал от справедливого возмездия за океан. И снова гнетущий сюрприз: ухоженное кладбище на Хиллсайд-авеню с массой надгробий из гранита и мрамора. Всего их 96. Выходит, по два с лишним карателя на каждого саутриверца, не вернувшегося со второй мировой войны. Похоронены эти мерзавцы с помпой и почестями, которые достаются в конце жизненного пути далеко не каждому коренному американцу. Две трети кладбищенской территории пока пустуют, стало быть, и в самом деле, как сообщает здешняя пресса, после разгрома гитлеровской Германии в США укрылись примерно 300 человек, потерявших право называться не только белорусами, но и людьми вообще.

Радослав Островский — так звали похороненного на самом видном месте кладбища. Он и при жизни был главным над теми, кто его теперь окружает либо зарезервировал себе здесь место. Участник вооруженной интервенции против молодой Советской республики, слуга сразу нескольких империалистических разведок, Островский еще перед второй мировой войной продался гестапо и настолько полюбился гитлеровцам, что те прочили его в бургомистры Москвы. Под нашей столицей, однако, блицкриг забуксовал, и Островского поставили наводить «новый порядок» в Белоруссии. «Президент» марионеточного правительства и его подручные показали себя заправскими палачами. Уже в конце лета 1941 года они рапортовали берлинским хозяевам: «Еврейская интеллигенция Минска ликвидирована без остатка». За строкой этого донесения гибель 42 тысяч мирных граждан.

В эсэсовских документах места расправ над жителями Белоруссии помечались гробами. Рядом проставлялось число уничтоженных людей. В 1942 году в точке, обозначающей Минск, появился еще один гроб с числом 50 тысяч. Белорусскую столицу решили превратить в братскую могилу. И опять еле успевали смахивать со лба кровавый пот Островский и его сообщники. 10 тысяч казней в неделю — такому темпу дивились даже профессиональные палачи СС.

Чуть поодаль от своего предводителя на саутриверском кладбище лежит Эммануил Ясюк. Этот служил бургомистром в Клецке, составлял списки подлежащих уничтожению и в 1942 году лично руководил казнью 5 тысяч местных жителей. Тут же нашел себе последнее прибежище Франц Кушель. Он возглавлял формирование белорусских полицаев, а позднее командовал бригадой «Беларусь». Кушель успел попрактиковаться в кровавом ремесле и над участниками варшавского восстания, за что получил от гитлеровцев генеральскую звезду. Имена многих из тех, кто служил под его началом, выбиты на соседних надгробьях. Хмара, Грабовский, Пашков, Барановский...

Как же все-таки так случилось, что Саут-Ривер стал самой большой колонией нацистских преступников на территории государства, сражавшихся с третьим рейхом? И неужели американские власти не знали, кого приютили, спасая от заслуженной расплаты?

Обратимся к фактам, просочившимся в последнее время на страницы газет США. Уже 14 мая 1945 года, то есть через пять дней после подписания официального документа о безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии, американская армия, по свидетельству газеты «Вашингтон пост», получила список подлежащих аресту военных преступников. В нем значились и имена более ста карателей «Беларуси». Два года спустя, однако, их в этом списке не оказалось, а к середине 50-х годов все они жили в Соединенных Штатах, а также, по протекции янки, в Англии и Канаде.

Виднейшую роль в укрывательстве палачей сыграл Фрэнк Визнер. Он занимал солидную должность в Управлении стратегических служб США. И вскоре после войны получил указание сколотить отряды головорезов на случай войны против стран социалистического содружества. Поскольку, согласно тому же приказу, до поры до времени США должны были оставаться в тени, Визнеру предложили воспользоваться услугами предателей народов Восточной Европы. Тут-то он и порадовался собственной «прозорливости». Ведь еще до прихода Красной Армии Визнер успел побывать в Румынии, где обзавелся списком желающих продолжить войну с «мировым большевизмом», теперь уже под руководством Вашингтона.

В своей одержимости антикоммунизмом Визнер был готов заключить сделку с семим дьяволом. Так от кары за преступление перед человечеством спаслись участник разработки

плана нападения на СССР, заместитель министра иностранных дел гитлеровского рейха Густав Хилгер, зверствовавший в Белоруссии оберштурмбанфюрер СС Фридрих Буркхардт и сотрудник нацистской разведки, ведущий «специалист» по Советскому Союзу Гелен. Последний настолько пришелся ко двору американцам, что со временем они поставили его во главе шпионского ведомства в Западной Германии.

Любое преступление, любое злодеяние Визнер был готов простить, лишь бы вербуемые им годились для террора, диверсий и саботажа против СССР и его союзников. Так, по его настоянию группа натурализации и иммиграции США открыла доступ в Америку бандеровцам, которые во время войны сотрудничали с гестапо и сформировали несколько дивизий «добровольцев», переданных под начало СС. Сам Визнер орудовал под личиной дипломата, возглавляя так называемый «отдел координации политики» госдепартамента. На этот пост его назначил тогдашний государственный секретарь США Джордж Маршалл. Вдохновителем же и непосредственным руководителем Визнера был матерый разведчик Аллен Даллес, который еще во время войны налаживал контакты с руководством фашистской Германии.

Автор ряда книг о ЦРУ Дэвид Уайз как-то назвал Визнера злым гением «холодной войны». В пору своего расцвета он руководил штатом в тысячу агентов, действовавшим в сорока странах, и располагал годовым бюджетом в 82 миллиона долларов. Еще при Визнере закладывалась основа подрывной работы против народной Польши, куда его люди тайно завозили оружие, шпионское снаряжение и миллионы долларов золотом и в банкнотах. Визнер же организовал в 1953 году государственный переворот в Иране, а год спустя — свержение правительства Арбенса в Гватемале. Еще через год наступила пора его высшего торжества. Если до этого Визнер подчас действовал на свой страх и риск в обход американских же законов, то изданная 12 марта 1955 года Советом национальной безопасности США секретная директива № 5412/1 дала ему полную свободу на продолжение и расширение деятельности по подрыву народного строя в странах Восточной Европы. В этом уникальном по циничности документе во всех деталях расписывались «дозволенные» Белым домом методы необъявленной войны против социалистических государств. Своим именем не назывались разве что лишь убийства, но их замаскировали формулировкой «а также все другие уместные действия, необходимые для выполнения выше указанного».

Визнер, во всяком случае, именно так и расценил директиву. Он велел разработать планы мятежей во всех крупных городах Восточной Европы, распорядился форсировать переброску в эти страны оружия и агентуры и усиленным ходом готовить войска специального назначения из числа предателей, бежавших на Запад из государств социалистического содружества.

Видное место в этих планах отводилось недобитым воякам из бригады «Беларусь». В конце второй мировой войны они сдались в плен армии американского генерала Паттона, того самого Паттона, который предлагал вернуть оружие плененным дивизиям СС, чтобы «повести их против красных».

Немудрено, что изменники и душегубы из «Беларуси», перейдя на сторону американцев, были встречены только что не с распростертыми объятиями. Позднее, когда военным комендантом американской зоны оккупации Германии был назначен генерал Л. Клей, нацисты и их пособники и вовсе получили индульгенцию. При участии Клея была пущена в ход версия, будто обвинения в их адрес не что иное, как попытка русских опорочить доблестных борцов против коммунизма.

Этот тезис поддержало и высшее пентагоновское начальство. На самолетах ВВС США военных преступников стали десятками отправлять из Европы за океан, не указывая в проездных документах их имен. Затем, чтобы легализовать их прибытие в Америку, разработали еще один хитроумный способ: тайком переправляли через границу с Мексикой, а обратно везли в открытую. На руку контрабандистам фашистского толка были и существовавшие тогда в Соединенных Штатах иммиграционные законы, ставившие во главу угла моральный облик перемещенных лиц, который трактовался весьма своеобразно: супружеская неверность расценивалась как криминал, а членство в нацистских организациях считалось вполне простительным прегрешением. К концу 50-х годов процедура и вовсе упростилась: ЦРУ получило право самолично выдавать визы на въезд в США нужным лицам.

В рай для военных преступников превратились основанные ЦРУ радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа», где нашлась работа и для члена нацистского «правительства «Белоруссии» Антона Адамовича. Вскоре после того, как в Америку перебрался Ясюк, к нему явились сотрудники ФБР. Нет, не арестовывать, а предложить ему тайное сотрудничество. Кроме того, по свидетельству «Вашингтон пост», оприходованные правящими кругами США нацистские прихвостни устроились на радиостанцию «Голос Америки», в пентагоновское училище иностранных языков в Калифорнии (там готовят военных разведчиков, засылаемых в страны Восточной Европы), а также на аналогичные курсы ЦРУ в Вильямсбурге».

Кое-кого из переметнувшихся к янки военных преступников кара все же настигла. В Вашингтоне считали, что таким «капиталом» не страшно и рискнуть, и Визнеру дали возможность потренироваться в тайной войне руками предателей, забрасывая их в страны социализма. Там-то и пришел конец преступной деятельности изменников... Речь, впрочем, о другом. В задания диверсантов, кроме сбора шпионских данных и актов саботажа, входили и убийства. Не худо бы об этом вспомнить сегодня тем, кто обвиняет в международном терроризме Советский Союз и другие социалистические государства.

Да что, впрочем, Визнер и Даллес! В США у военных преступников нашлись и куда более высокопоставленные покровители. Олбен Баркли, который был вице-президентом в администрации Трумэна, почтил своим присутствием объединительный съезд бандеровцев и предателей Белоруссии, оказавшись за одним столом с палачами, стрелявшими и в американских солдат. Когда демократов в Белом доме сменили республиканцы, один из главарей «Беларуси» удостоился аудиенции у нового вице-президента — Ричарда Никсона. Последний, кстати, питал особое расположение к подобным личностям и в 1955 году устроил смотр сформированным из них частям особого назначения, готовившимся в лагере неподалеку от американской столицы к прыжку в Восточную Европу.

И все же, как ни старался Визнер, сколь ни обхаживали прислужников фашистского рейха правящие круги Соединенных Штатов, а разработанные четверть века назад планы тайной войны против социалистических государств завершились закономерным провалом. Осенью 1956 года Визнер перебазировался в Вену, поближе к границам народной Венгрии, которой он и его начальство готовили судьбу новой Гватемалы или Ирана. Став очевидцем краха собственной затеи, Визнер, двухметровый верзила с внешностью супермена, повредился психикой: запил, стал заговариваться и в 1965 году застрелился.

С той не самой славной в истории Соединенных Штатов поры минуло более четверти века. Кое-кто, однако, здесь живет прежними представлениями, а то и пытается повернуть время вспять.

На фоне всего этого выглядят аномалией даже робкие попытки здешней демократической общественности хотя бы и с опозданием в несколько десятилетий добиться правосудия в отношении осевших в США пособников Гитлера; по ее настоянию в последние годы американское министерство юстиции провело расследование более 500 подобных дел. К производству же приняли менее 30. О каждом объекте такого расследования доподлинно известно, что он военный преступник. Вот лишь несколько имен.

Бывший бандеровец, ныне владелец отеля во Флориде Богдан Козий; его руки обагрены кровью украинских детей и подростков.

Затолкавший в газовые камеры тысячи заключенных лагерей смерти в Треблинке и Собиборе Иван Демьянюк.

Комендант одного из концлагерей, сооруженных фашистами на территории Латвии,— Таливальдис Карклиньш.

Болеславс Майковскис, командовавший полицаями в латышском городе Резекне, впоследствии руководивший расправой над жителями спаленной дотла деревни Аудрини.

Добивавший свои жертвы выстрелами в затылок охранник Тартуского лагеря смерти Карл Линнас.

Вилис Хазнерс, заживо сжегший прихожан одной из синагог.

Эсэсовец, зверствовавший в концлагере Дахау,— Конрад Шеллонг.

Подручный гитлеровского «теоретика» по ликвидации евреев Адольфа Эйхмана—гауптштурмфюрер СС Отто фон Болшвиц...

Но и тех, кого, наконец, в США привлекли к ответственности, обвиняют не в главном их преступлении — расправах над жертвами гитлеровской агрессии, а всего лишь в нарушении законов при въезде в Америку. Максимум, что за такое грозит,— это лишение американского гражданства и высылка за границу. Это в теории. На практике же, чтобы такой цели добиться, нужно набраться терпения на 5—7 лет. Столько в среднем длится процедура вынесения и утверждения приговора по депортации. Но и долготерпение не вознаграждается, ибо благосклонность здешней Фемиды к бывшим нацистам и коллаборационистам поистине не знает предела.

Один лишь пример. В 1963 году начинающий адвокат Уолтер Роклер заинтересовался делом бывшего министра внутренних дел в фашистском правительстве Хорватии — Андрия Артуковича. Преступник, подписавший смертные приговоры тысячам патриотов Югославии, обязан был еще в 1949 году по решению американского суда покинуть территорию США, а не покинул. Роклер составил по всей форме соответствующий запрос и отправил его в министерство юстиции. Много лет спустя он сам стал работать в этом ведомстве, возглавив отдел специальных расследований. Едва ли не первой папкой, попавшей к нему на стол, оказалось... досье на Артуковича, который, как выяснилось, на законном, так сказать, основании продолжал себе жить-поживать в Южной Каролине.

Словом, на сегодняшний день НИ ОДИН ВОЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК, укрывшийся в США, не подвергся даже депортации. В известном смысле охотникам за нацистами в США живется труднее, чем самим нацистам. Преемник Роклера — Аллан Райан вынужден скрывать место своего жительства и номер домашнего телефона с тех пор, как членов его семьи стали донимать угрозами, а в возглавляемый им отдел поступает масса письменных ходатайств за разоблаченных военных преступников. Как и 30 лет назад, попытки привлечь их к ответственности хотя бы за нарушение законов объявляются «еврейско-большевистским» заговором. С другой стороны, администрация Рейгана настойчиво добивается сокращения и без того крохотного бюджета отдела специальных расследований министерства юстиции. То ли в Белом доме считают, что все военные преступники уже выловлены, то ли полагают, что они еще пригодятся.

Недавно в США вышла книга Джона Лофтуса «Секрет «Беларуси». Бостонский юрист, прежде чем взяться за этот труд, прослужил два с половиной года в отделе специальных расследований в министерстве юстиции, и через его руки прошли тысячи документов, изобличающих и нацистских преступников и их американских покровителей. Наверное, поэтому в предисловии к книге он написал: «Если мы хотим уберечь своих детей от новых мировых катастроф, то нам нужно крепко усвоить уроки прошлого...»

С этими словами трудно не согласиться.

Саут-Ривер — Вашингтон.

Специально для «Огонька»

Владимир КАШИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Чужое оружие

Женщина продолжала:

— После возвращения от родителей Юрия мне стало ясно, что я единственный свидетель убийства в Вербивке. Конечно, я могла не писать и не подбрасывать вам письма. Не затрудняла бы вас и моего Юрика лишней работой, экспертизами и так далее. Но выслушайте внимательно, и вы меня поймете. Дело значительно сложнее. Это касается лично моей жизни. И я не хочу причинять лишних волнений моим близким.

Вы знаете, что Юрий Иванович — второй мой муж, что родом я из Вербивки, где и сейчас живет моя мать. У бабушки каждое лето находится мой Андрейка. О его отце, первом моем муже, я долгое время ничего не знала. Вот уже шесть лет, как он исчез. Случилось так, что мальчишка родился после того, как он оставил меня. Я не разыскивала его, а он забыл обо мне и о ребенке. Как вы понимаете, Дмитрий Иванович, многое я пережила, и его первое появление здесь, через год, вызвало в моей душе настоящую бурю. Я считала, что сын не должен знать такого отца. Возможно, я была неправа, но в то время мне одной трудно жилось, и мое озлобление вполне объяснимо. Мы оформили официальный развод, исполнительный лист на алименты я вручила ему, но ни денег, ни его самого больше не видела... Вскоре я вышла замуж за Юрия Ивановича, и Андрейка нашел себе отца. Я счастлива, у меня хорошая семья.

Коваль не перебивал женщину, давая возможность ей до конца высказаться, хотя еще не понимал, какое отношение имеет ее исповедь к преступлению в Вербивке.

— Во-вторых,— снова заговорила Зоя Анатольевна,— мой бывший муж неожиданно появился года три тому назад... Жизнь с другой женщиной, по-видимому, у него не сложилась, и он стал упрашивать меня, чтоб я с сыном вернулась к нему. Я испугалась этих просьб, боялась, чтоб ребенок не был травмирован, и обо всем рассказала Юрию. Тот слишком болезненно воспринял наш разговор и даже предложил уехать из этих мест.

Прошло еще три года. Казалось, все успокоилось, все позабыто. Но вечером восьмого июля прибежала сестричка Наталка и взволнованно рассказала, что снова появился мой первый муж и хочет видеть сына и меня. На этот раз он приехал прямо в Вербивку, к моей матери. Можете представить мое состояние? Ничего не сказав Юрику, я села с Наталкой на попутную машину и вскоре была в Вербивке.

Разговор был длинный и тяжелый. К счастью, Андрейка где-то играл с ребятами. Я постаралась быстренько выпроводить бывшего мужа из дома. Беседуя, мы шли по берегу Роси в направлении леса.

Так мы ни о чем и не договорились. Он угрожал забрать сына. Мы долго ссорились. Уже стемнело, а я никак не могла упросить его оставить нас в покое. И только когда я тоже пригрозила, что подам в суд и потребую алименты за все годы, в течение которых ни единой копейки не получала, он дал слово уехать и никогда больше сюда не возвращаться.

Он направился к шоссе, чтоб сесть в попутную машину. А я, беспокоясь о матери, поспешила домой прямиком.

Когда выбежала на опушку леса, вдруг услышала выстрел и увидела две человеческие фигуры во дворе у Лагуты. Один человек упал, другой оставался стоять на месте. Не прошло и минуты, как донесся второй выстрел...

Зоя Анатольевна умолкла, тяжело вздохнула и попросила воды. Потом она какое-то время молчала, собираясь с мыслями.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 6—15.

— В тот же вечер я забрала сына из Вербивки. Боясь повторного визита бывшего мужа, твердо решила отвезти Андрейку к родителям Юрия. Отъезд я объяснила так: матери моей нездоровится, и она не может управляться с мальчишкой.

Возвратившись через несколько дней домой, я узнала о подробностях трагического события, о том, что убита Мария Чепикова и Петро Лагута и что арестован Иван Чепиков, подозреваемый в преступлении.

Я стала припоминать подробности того ужасного вечера и все больше убеждалась, что Чепиков не виновен. Я же сама видела во дворе только две фигуры! Конечно, я должна была сразу рассказать Юрию. Но, зная его вспыльчивый характер, я просто побоялась сообщить ему, что была недалеко от места события и, главное, с кем... Он, конечно, не понял бы меня... Я тогда была потрясена появлением моего первого мужа и не хотела вмешиваться в эту историю. Счастлива была, что отделалась от него.

Со временем меня стали одолевать мысли: Юрий арестовал невинного человека, и я — единственный свидетель, который может добавить что-то новое ко всему этому трагическому происшествию. Я, конечно, понимаю, что мой долг — помочь расследованию. Поэтому все время нервничала и, стараясь остаться в стороне, решила вам подбросить анонимку. В первом письме я намекнула, а потом подумала, что на первое сообщение вы не обратили внимания, немного растерялась и все же решилась написать, что Чепикова на месте преступления не было.

Женщина умолкла.

— И вы уверены в таких выводах?

— Уверена! — твердо заявила Зоя Анатольевна.

— Кто же в таком случае убил? Ведь не самоубийством они покончили?

— Третьего с ними не было.

— Вы были взволнованы разговором с бывшим мужем, события происходили в темноте, и вы могли не заметить третьего,— продолжал Коваль.

— Третьего не было,— упрямо повторила женщина.

— Ну что ж, проверим, насколько ваши наблюдения могли быть точными. Проведем небольшой следственный эксперимент.

Зоя Анатольевна испуганно посмотрела на Коваля и сказала:

— Следственный эксперимент? Но вы же мне обещали...

— А мы проведем неофициально. Без следователя и понятых. И, конечно, без капитана Бреуса,— улыбнулся Коваль,— как бы сказать, в узком, полусемейном кругу.

Через несколько минут райотделовский «газик» выехал со двора милиции. Дмитрий Иванович сказал начальнику уголовного розыска, что поедет в село и заодно отвезет Зою Анатольевну, которая хочет проведать мать.

Двор Лагуты встретил их тишиной, которую и в самом деле можно было назвать мертвой. Поздний вечер укрыл Рось, лес, прибрежные холмы легкими облаками, сквозь которые, то вспыхивая, то угасая, светил выщербленный месяц.

— Зоя Анатольевна,— обратился Коваль к спутнице перед тем, как приказать водителю остановить машину.— Не сможете уделить мне несколько минут? — А потом уже я подкину вас к самому дому вашей матери.

Зоя Бреус сразу поняла, что эти слова были сказаны скорее водителю, чем ей.

— Конечно, конечно,— согласилась она.— Пожалуйста, Дмитрий Иванович, делайте, как вам удобно. Понимаю, прежде всего служба. Я подожду.

...Подполковник Коваль и Зоя Анатольевна стояли недалеко от густой чащи возле проселочной дороги. И Зоя Анатольевна еще раз рассказала о событиях того страшного вечера.

Коваль слушал ее внимательно, не перебивая. Он уже и сам убедился, что с того места, где они сейчас находятся и где была вечером восьмого июля Зоя Анатольевна, нельзя было не заметить людей во дворе Лагуты.

— Значит, через минуту раздался другой выстрел? — неожиданно спросил Коваль. Подполковник знал, что точность воспоминания часто зависит от того, на каком месте стараются припомнить прошедшее событие и что лучше всего это происходит на том же месте и в тех же самых или подобных ситуациях.

— Приблизительно,— медленно вспоминала женщина.— Хотя, впрочем... После первого выстрела я изо всех сил кинулась бежать отсюда. Я испугалась, подумала, не в меня ли стреляют. И второй выстрел услышала, когда была уже на дороге.

— Ну вот, Зоя Анатольевна. Подведем итоги,— сказал Коваль, когда она умолкла.— Конечно, вы должны были сразу все рассказать если не мужу, то майору Литвину... А что касается ваших наблюдений, то они не особенно убедительные и малодоказуемые. Хотя, в общем, вы правы... Скажу по секрету, я тоже так думаю,— наклонившись к женщине, словно боясь, что их подслушают, доверительно произнес Коваль.— Я тоже так думаю,— повторил он,— что их было двое.

Несколько минут молчали. Над головой пролетела какая-то птица.

В лесу прокричал сыч. От реки потянуло прохладой. Зоя Бреус зябко передернула плечами.

— А я сколько пережила, так нервничала! — вздохнула она.

— Андрей Васильевич! — крикнул Коваль в темноту.

Голос шофера донесся от дороги.

— Идите к нам через двор,— приказал подполковник.— И остановитесь там. А вы, Зоя Анатольевна,— обратился он к женщине,— наблюдайте за ним.

Фигура водителя, едва очерченная в слабом лунном свете, быстро прошла от дома Чепикова к лесу через двор Лагуты.

— Заметили вы Андрея, Зоя Анатольевна, в тот момент, когда он был возле дома Чепикова?

Женщина покачала головой.

— Так вот,— произнес Коваль.— Там мог стоять третий, убийца.

— Но тогда было полнолуние,— возражала она.— Еще и свет из окна дома падал, и было намного виднее.

— Свет из окна был слабый. У Лагуты горела керосиновая лампа...

Вместе с шофером вернулись к машине, стоявшей на грунтовой дороге. Через несколько минут они уже были на противоположном краю села, где жила мать Зои Анатольевны.

Простившись с супругой капитана, Коваль выехал на шоссе и, задумавшись, уже не замечал, как «газик» поглощает километр за километром...

II

...На этот раз Марии было особенно тяжело. У нее скопилось много горечи и обиды на мужа, который не хотел ее понимать и все больше отдалялся от нее. Вот и в Черкассы поехала сегодня против его воли. Поехала тайком, всеми неправдами, которые бог ей простит. Теперь у нее единственная надежда — господь бог, и она откроет ему свою душу без утайки.

...Заражаясь общим возбуждением, обезумевшая от воплей, раздававшихся вокруг, и своего собственного крика, Мария почувствовала, что уже не стоит на коленях с высоко поднятыми руками, а взлетает над черным миром, и белые язычки свечей — это яркие звездочки далеких миров, мимо которых она, невесомая, пролетает, широко раскинув свои гигантские крылья. Свистит ветер в ушах, кружит ее в черной бездне, и вот звезды расступились, и в ярком сиянии, разгоняя темноту и страх, перед ней возникает господь. Она заговорила захлебывающимся шепотом, исповедуя ему все свои боли, все свои горести. И когда вот так вся излилась, освободилась от угнетающей ее тяжести, господь ослепил ее своей улыбкой — сияющим светом...

Мольельщиков, постепенно приходящих в себя после трясучки и экзальтированной «беседы» с самим богом, одного за другим Федора и брат Михайло выпроваживали из дома.

На этот раз только Мария никак не могла прийти в себя после сильного нервного потрясения. Она лежала, уткнувшись лицом в голые твердые доски пола, и все ее потное тело содрогалось, а ее воспаленные уста произносили не слова, а какие-то непонятные звуки. Белая длинная сорочка, надетая на голое тело, задралась, оголив ноги...

Брат Михайло и Федора подняли женщину и отнесли в ту самую комнату, где она когда-то останавливалась с мужем. Ее положили на кровать. Она вся дрожала, словно через нее пропускали электрический ток...

Когда Мария проснулась в полутемноте, на чужой кровати, не сразу поняла, где находится, сколько здесь пролежала.

Сначала ей показалось, что она вознеслась в потусторонний мир, где нет ни радости, ни печали, и сильно обрадовалась. Потом удивилась, увидев, что лежит она на кровати с такими же железными прутьями и едва сверкающими на спинке никелированными колпачками, на такой же перине и подушках, укрытая таким же одеялом, что и на грешной земле, с которой наконец забрал к себе всевышний.

Она поднялась с кровати, шагнула босыми ногами по холодному полу, ударилась об угол платяного шкафа и, почувствовав боль, разочарованно убедилась, что все это происходит на земле, где единственное спасение от греха — служить верой и правдой господу богу.

Из какой-то комнаты доносился голос, и она узнала брата Михайла. Выходит, она еще в его доме!..

Неслышно ступая босыми ногами, скользнула она в коридор и немного приоткрыла дверь. То, что увидела, заставило ее окаменеть. За большим столом, уставленным всякими яствами, пировали двое мужчин. В комнате пахло спиртным перегаром.

Мария не сразу поняла, что здесь происходит. Первое, что пронеслось в ее мыслях, было удивление: откуда здесь взялся брат Петро? Ведь не было его во время молитвы. Но этот случайно возникший вопрос потонул среди других.

Почему они пьют сатанинскую воду — брат Михайло и брат Петро?

Они пьяные! Духовный наставник и божий человек! А что они говорили ей во время проповедей?

Мария даже закрыла глаза, надеясь, что через какое-то мгновение страшное видение исчезнет. Ведь брат Михайло вместе со всеми только что разговаривал с Иисусом Христом. Как же может господь допустить такой грех? А что они ей говорили? Пренебрегай земными радостями, очищай себя от вечного греха, иди к святой жизни, служи верой и правдой всевышнему!

И она считала их непорочными, святыми, служителями бога! Брат Михайло уже принял в себя бога. Но и бог ли это был сегодня, и с ним ли она разговаривала?

Всегда краснощекий, брат Михайло сейчас от вина и духоты раскраснелся еще сильнее, и его круглое лицо поплыло перед глазами Марии кровяным пятном.

Мало пил брат Петро, зато старательно угощал хозяина дома. Он сидел боком к двери, и Мария видела его благовидный, аскетический профиль, лысину и большое ухо, которое двигалось, когда он ел.

Женщина замерла у дверей, не решаясь войти.

— Разгоню я всех этих верующих,— донесся низкий, грубоватый голос брата Михайла.— Надоели они мне, Петро... Боюсь, накличут беду, наведут на мой дом милицию.

— Наоборот,— ответил Лагута, не переставая жевать.— Эта компания — хорошая тебе защита. Милиция не особенно вмешивается в дела верующих. А если что там... Можно такой шум поднять, что и в Москве услышат. Да и не только в Москве... Они тебе спекуляцию да грабежи, а мы им на весь мир крик подымем — дескать, за веру, за свободу совести страдаем!..

Изрядно подвыпившему брату Михайлу по душе пришлись последние слова Лагуты, и Мария увидела, как он добродушно улыбнулся.

— Конечно, за свободу совести...— довольный, произнес он.— Я только за свободу. И чтоб по совести... А не задарма... Ты меня обижаешь, Петро. Обещал молодку, а где она?.. Я ж у тебя здесь, как сторожевая собака: передачи для тебя из-за бугра принимаю, скрываю и припрятываю... За это, знаешь, что может быть — строгий режим до скончания века... Разве это по совести?

— Хату эту я тебе купил?! Такое в жизни часто бывает? Уже забыл, как без копейки в кармане для отвода глаз булочками в порту торговал?

— То было дело временное...

— Так вот. Благодари нашего бога...

— А зачем ты мужа той полоумной прислал? Продаст он нас, вот увидишь...

— Чепиков — это мое дело. Прислал — значит, так надо. И не продаст он, не до того ему сейчас...

До сознания Марии медленно доходили слова. У нее кружилась голова, но, услыхав фамилию мужа, она еле удержалась на ногах и невольно раскрыла дверь.

От удивления хозяин дома и гость замерли, увидев на пороге комнаты в белом одеянии Марию.

Они ее узнали и позвали к себе.

Она не слышала, не понимала их слов.

Тогда брат Михайло встал со скамьи, взял ее за плечо и подвел к столу.

Она не сопротивлялась и, безвольно переставляя ноги, пошла за ним.

Брат Петро пододвинул скамью, и мужчины усадили ее между собой, посредине.

— Господь простит нам этот грех, Мария, — сказал пресвитер Михайло, сидевший справа. — Мы новорожденные святым духом и больше не являемся частицей этого греховного мира. Мы уже принадлежим богу и являемся его слугами. Нам теперь не может быть никакого наказания. Будь с нами, — сказал он, — Мария! Господь и тебя простит, и ты придешь в новую жизнь, найдешь новое рождение...

— Пройдешь обряд огненного крещения, — добавил Лагута, наливая в стакан спирт. — Если уж ты появилась здесь, значит, бог направил твои стопы и ты выделена из общего стада.

Мария отодвинула поставленный перед нею стакан.

Но Лагута упрямо вернул стакан на место.

— Исполняй божью волю во всем, — сказал он уже заплетающимся языком. — А волю его мы тебе скажем. Мы с ним сейчас говорили, и ты будешь говорить... Я давно к тебе присматриваюсь, Мария...

И, неожиданно повернувшись к Савенко, пьяный Лагута с восторгом произнес:

— Ну и хороша ж она, брат Михайло, как роза господня. Дарма что кривоножка.

Мария попыталась выйти из-за стола, но брат Михайло взял ее за голову и попытался силой открыть рот. Вырываясь, она протянула руки к Лагуте, ища у него защиту, и простонала:

— Братик Петро, да что ж это? Зачем грех на душу берете?

Но брат Петро молчал. Только продолговатые лисьи глаза его еще больше сузились. Потом наконец услышала голос.

Но это не было защитой.

— По воле святого духа... — протяжно ответил Лагута.

«Не простится это вам!» — подумала Мария, но не успела сказать и захлебнулась — обжигающая горечь перехватила дыхание.

Мария тяжело закашляла, едва перевела дыхание и, ничего не понимая, конвульсивно глотала воздух. Слезы градом катились из глаз.

Сильные руки брата Михайла отпустили ее. Голодная, обессиленная, она сразу опьянела, всему телу стало невыносимо жарко, закружилась голова, запрыгал стол, бутылки, тарелки...

Она еще раз попыталась встать, но, несмотря на то, что ее никто не держал, уже не смогла.

— Вот так будет лучше, — услышала чей-то голос и не поняла, кому из двух «братьев» он принадлежит. — Отныне мужу своему будешь не законной женой, а названой сестрой, без греха... — говорил Лагута. — Христова любовь вознесет тебя к богу. Иисус Христос снизошел ко мне и сказал: «Чадо божье не от крови, не от желания плоти, не от желания мужа, а от бога рождается...» Будет и у тебя дите, не греховное, а божье...

Мария, уже не зная, что делает, пьяно улыбалась.

— Иисус снизошел и сказал, — продолжал Лагута, положив сильную руку ей на плечо, — грехом грех уничтожьте, и ты должна сейчас подчиниться брату Михайлу, ибо он в грех впадает не по своей воле, не по желанию плоти, а по воле святого духа...

При этих словах брат Михайло накинулся на Марию и стал целовать ее лицо, плечи.

Последнее, что она запомнила: ее подымают со скамейки, срывают сорочку и, отбиваясь, она пытается кого-то укусить. Но потом все провалилось, и она улетела в черную звездную ночь, туда, где сегодня уже разговаривала с богом. И ей чудилось, что на этот раз она навсегда покинула грешную землю...

Утром Мария проснулась в той же комнатке. В хате никого не было, кроме Федоры. Пожилая женщина молча, со сжатыми губами, ничего не спрашивая, помогла ей одеться и вывела на улицу. Потом остановила какую-то машину, сунула водителю деньги и попросила отвезти заболевшую женщину домой, в Вербивку...

III

Долго они разговаривали. Уже опустились сумерки, загорелась высокая вечерняя заря, и в комнату пробивался слабый свет с каким-то фиолетовым отливом.

Свет Коваль не включал. Трудно сказать, что именно при разговоре больше всего повлияло на Кульбачку: или она растерялась под нажимом неопровержимых фактов ее мошенничества, так тщательно собранных капитаном Бреусом, или испугалась, что ее могут привлечь к ответственности за убийство, а возможно, сдала свои позиции, остро почувствовав, что с гибелью Лагуты рушились все ее планы и надежды, — так или иначе, но она вдруг стала откровенной.

...— Ну, что моя жизнь, гражданин подполковник, — грустно произнесла она. — Не было счастья в молодости, не было и потом. Но я не жалуюсь. Видно, такая уж моя доля! Сижу в вашей камере, времени достаточно, чтоб подумать, вспомнить всю свою горькую судьбину. И как замуж вышла за немилого, и как жизнь с ним прожила, и как Петра встретила и полюбила... Работа у меня доходная, деньги имела хорошие. Все собирала на нашу с Петром жизнь. Не знаю, какую он имел силу, откуда у него она взялась, может, и в самом деле господь даровал, но у него была своя вера, не такая, как в церквах и в книгах. Только не могла я ослушаться его и волю его выполняла, как волю самого господа бога. Не знаю, есть или нет на небесах господь, только когда молилась с Петром, казалось, камень с души спадает, все прегрешения мои прощаются и чистой я становлюсь, словно белый голубь. А прегрешений у меня — чего греха таить — предостаточно: и спаивала, и обвешивала, и обмеряла.

Коваль слушал Кульбачку не перебивая и ничего не записывал.

Он размышлял о том, сколько горя принесла эта циничная женщина своим односельчанам, причиной скольких человеческих трагедий, разрушенных семей стала она, вводя в искушение того или иного мужчину вроде бы «даровой» выпивкой, в долг. Сколько беды, которая не поддается никакому учету, причинила людям эта вроде бы не злая, ласковая, терпеливая, приветливая на вид, но такая страшная женщина. Вот сейчас она говорит, что дело не в жадности, что деньги она собирала во имя любви к Лагуте... А любовь ли это? Любовь ценой страданий других... Какую же силу возымело такое чувство!

Ведь проклинали ее, эту Ганку, даже те, кто унижался перед ней, чтоб дала опохмелиться, и рисковала она постоянно — каждый день могла попасть под суд. Но все равно шла за этим Лагутой, словно завороженная, и ради него согласна была жертвовать всем.

— И все же торговала бы еще и еще, — продолжала Кульбачка. — Да вот комбайнерша, Верка Галушка, войной на меня пошла. До сих пор не пойму, какая муха ее укусила. Муж — непьющий, за сынов-подростков пока ей тоже бояться нечего... и не депутатка никакая, просто себе баба, как все. А подняла такой шум, уши всем прожужжала... Ну, а дальше сами знаете... сижу теперь здесь...

Когда она замолчала, Коваль спросил:

— А почему о Марии и Лагуте слух пошел, как будто они любовники?

— С Петра взятки гладки. Мужик, он и есть мужик. Хоть и божьего духу. Я к нему только по вечерам прибегала, да и то нечасто, тайком. Еще и года нет, как Сергея своего схоронила. А Мария всегда тут, рядом, молодая, хороша собой. Дарма что калека. И все глаза ему мозолила, бегала молиться, веру его приняла. А на деле свое знала. Видела, что не нищий он: и хата, и в хате, и деньги есть. А деньги-то мои. Все в дом я приносила, для нас, а не для нее.

Вот и довела Мария своего мужа, что тот запил. Я этих людей хорошо знаю. Он после войны раненый пришел, уже в годах, а она баба в соку... Дитя хотела, а его все нет и нет. Мать и посоветовала на бога надеяться. Вот чем эти моления и закончились, — вздохнула Ганна. — Когда я увидела, что Мария к Петру повадилась, а Чепиков на мои «дубки», сказала Петру: «Зачем она к тебе ходит? Вот и муж от ревности запил. И в хате она нам ни к чему!» «Мария молится», — ответил он. «Смотри, к добру не приведут ее молитвы». А он знай свое: «Пути господни неисповедимы».

Лагута даже обрадовался, когда Чепиков запил. Тут я поняла, что может беда случиться и все мои труды, все, что собрала, может прахом пойти. Разум у меня помутился. Думаю, если так, сама жить не буду и им не дам...

— Нашли пистолет, — продолжал Коваль, когда Кульбачка умолкла, — пришли ночью к любовнику...

— Нет, нет, — спохватилась продавщица. — Что вы!.. Это так, ради красного словца... Я на это не способна.

— Вы говорите, Лагута обрадовался, когда узнал, что муж Марии запил? Он не любил его?

— Да. Избегал Чепикова, хотя одно время и пытался его расположить к себе. А когда Мария начала молиться, он стал через нее на мужа влиять. Чепиков не поддавался, и Петро очень сердился, аж весь бледнел, если при нем имя соседа упоминали. Ненавидел он соседа и боялся его. Выгодно ему было, чтоб Чепиков спился и не мешал завладеть Марией... А видите, как все обернулось... Может, это господь покарал Петра рукою Чепикова. Заслужил он свою смерть, прости мою душу грешную. Мы с ним должны были сойтись и уехать отсюда, а он все откладывал. Ясное дело — Мария была причиной.

Она умолкла. Коваль отодвинул ящик письменного стола, достал свежую пачку «Беломора».

— Почему Лагута боялся Чепикова? Тот угрожал его разоблачить как дезертира?

Кульбачка не знала, что ответить подполковнику.

— Что вы об этом скажете? — настаивал Коваль.

— Петро не воевал, — призналась не сразу Ганна. — А был он дезертиром или нет, не моего ума дело. Хотя вполне возможно, — подтвердила она, решая для себя, что теперь ее любовнику уже ничем нельзя ни помочь, ни навредить, а чистосердечное раскаяние расположит подполковника.

— Что вы знаете о его связях с оккупантами?

— К сожалению, ничего. Строилась я в Вербивке после войны.

— А сейчас, когда были вы с ним... Что знаете о его связях?

— Он себе придумал бога и сам поверил в него. Собрал несколько человек и убедил, что снизошел к нему бог и он иисусик. Ну и Марию этим подкупил. Для своей корысти, ясное дело.

— Я спрашиваю об иных связях, тайных.

Ганна Кульбачка уже пожалела, что так разоткровенничалась.

— Какие иные? — сказала она, вытаращив на Коваля удивленные глаза. Он подумал, что, наверное, Лагута не посвящал ее в те самые связи, которые так интересуют его.

— Он собирался уехать из Вербивки?

— Да.

— Зачем?

— Я так хотела.

— Только поэтому?

Кульбачка молча пожала плечами: разве я знаю?

— Выходит, капитан Бреус был прав, когда говорил, что вы искали в его доме собственные деньги?

— Какие «собственные»! — горько вздохнула женщина. — Зачем теперь об этом говорить. Теперь они ваши...

— А не скажете, — перебил Коваль, — у кого на селе, кроме Чепикова, было оружие?

И Кульбачка вдруг растерялась от такого неожиданного вопроса.

— Ни у кого не видела... — не сразу нашлась она. — Мальчишки в лесу баловались. У нас здесь такого добра много валялось. А вот у людей не видела, не хочу врать.

В. Орешников. Род. 1904. В. И. ЛЕНИН НА ЭКЗАМЕНЕ В ПЕТЕРБУРГСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ 1947.

А. Овчаров. Род. 1926. В. И. ЛЕНИН ПРИЕХАЛ. 1967.

— Сами не находили?

Коваль поднялся, повернул выключатель. Комната наполнилась ярким ровным светом, от которого женщина невольно зажмурилась.

— Не находили никакого оружия? — повторил свой вопрос подполковник. Он уселся за стол, пододвинул поближе к себе стопку бумаги и взял авторучку.

Кульбачка внимательно посмотрела на подполковника. При ярком освещении ее глаза показались Ковалю темными и грустными.

— Откуда бы я достала оружие? — тихо и как будто укоризненно произнесла она.— Я его сроду в руках-то не держала. Вы что, и в самом деле в чем-то подозреваете меня?

— Когда в последний раз видели Лагуту?

— В последний?.. За несколько дней до смерти.

— А точнее?

— Не помню... во вторник или в среду на прошлой неделе. Я же сказала, за несколько дней до убийства,— повторила Кульбачка.

— Не за несколько дней, а в тот же самый вечер, когда убили Марию Чепикову и Петра Лагуту. Это уже установлено,— медленно и членораздельно произнес Коваль.— Рассказывайте, что произошло между вами тогда?

Кульбачка так и окаменела.

— Я жду ответа,— повторил подполковник.

В комнате воцарилась такая тишина, что было слышно, как в соседнем кабинете Литвин ругал какого-то подчиненного, а со двора доносился шум воды и рокот мотора поливальной машины.

— Да, я там была,— сбитая с толку, едва произнесла Ганна.

...Долго рассказывала женщина об этом последнем вечере с Лагутой. Петро был ласков с ней, уверял в любви, но она чувствовала, что он неискренен с ней, и уже видела себя на краю пропасти. Поняла, что стала лишней в его жизни и, как всегда, прячась под покровом ночи, в конце концов ушла. И только когда подошла к своей хате, услышала выстрелы. Она не сразу разобрала, откуда стреляют, но, поскольку выстрел раздался возле речки, поймала себя на мысли, что беда стряслась с Петром и произошло что-то страшное и непоправимое.

Она задрожала вдруг от страха и хотела уже повернуть назад, туда, откуда только что пришла, но побоялась; увидела Николая Еглюватого, который все это время терпеливо дожидался ее у ворот.

Поздно ночью закончил допрос бывшей продавщицы подполковник Коваль. Теперь у него сложилось вполне ясное представление о ее роли в трагедии, происшедшей в Вербивке.

В заключение своего допроса Коваль поинтересовался, не заметила ли она, идя от Лагуты, кого-нибудь во дворе или на дороге, и, услышав отрицательный ответ, вызвал конвоира.

Когда конвоир выводил Кульбачку из кабинета, Коваль уже знал, что в деле об убийстве Чепиковой и Лагуты она ему больше не потребуется.

IV

Высокий, с загоревшим, как у колхозника, лицом, участковый инспектор Беляк стоял перед Ковалем и Бреусом, неуклюже переступая с ноги на ногу. Показывая глазами на худощавую женщину, которую привел в кабинет, он, как всегда, немного горбился, поэтому казалось, что он придирчиво рассматривал ее.

Женщина выглядела угрюмой. Крепко сжатые сухие губы говорили о ее скрытном характере. Ее продолговатое лицо, узкие лисьи глаза кого-то напоминали, но кого именно — Коваль не мог вспомнить.

— Возле могилы застал... ну, этого самого... Лагуты...— доложил Беляк.— Конечно, ничего особенного, каждый человек имеет право... Шел в Вербивку — стояла, через час возвращаюсь — снова там... Спросил, кто такая, сказала: дочь его... А фамилия другая...— Он посмотрел на Коваля, потом на капитана Бреуса, как бы спрашивая, правильно ли поступил, задержав эту женщину.

Авторизованный перевод с украинского Веры БЕЛОВОЙ.

Окончание следует.

ВСТРЕЧА С ХУДОЖНИКОМ

ТВ

Творчество народного художника СССР Ильи Глазунова хорошо известно. Завиден его творческий и общественный темперамент: работа в Центральном совете Общества охраны памятников истории и культуры, выступления в печати по наболевшим проблемам художественной жизни, педагогическая деятельность в должности профессора МГХИ имени Сурикова, пропаганда традиций русской реалистической живописи в публичных лекциях, организация музея народно-прикладного искусства. А главное — новые произведения: картины, иллюстрации к изданиям отечественной классики, декорации к театральным постановкам, проекты уникальных архитектурных сооружений — во всем этом ощущается страсть и заинтересованность художника и гражданина в судьбах прошлого и будущего родного народа.

Большой интерес у зрителей вызвала демонстрация по Центральному телевидению документального фильма «Встречи с Ильей Глазуновым». На экране предстал образ человека, отдающего свой талант обществу, утверждению в нем идеалов добра, бережного отношения к истории, активного вторжения в современную действительность. Авторы фильма сумели отобрать главное, стержневое из насыщенной событиями и фактами биографии художника. Блокадное детство маленького ленинградца и любимый, воспетый им родной город; своеобразный телевернисаж наиболее известных полотен И. Глазунова, таких, как «Русский Икар», «Два князя», «Родина», картин Куликовского цикла, и выставки художника в Манежах Москвы и Ленинграда; уникальные кадры пребывания живописца в Чили и во Франции, где он от имени Советского правительства передавал в дар ЮНЕСКО свое монументальное панно «Вклад народов Советского Союза в мировую культуру и цивилизацию»... Одним словом, новая работа литературно-драматической редакции Центрального телевидения не оставляет зрителей равнодушными.

Уместно отметить, что читателям «Огонька» приятно было еще раз встретиться на экране со своим давним знакомым. Ведь именно на страницах журнала почти два десятилетия назад были напечатаны цветные репродукции с работ художника. Размноженные миллионными тиражами, они принесли ему признание любителей живописи. В фильме нашла отражение и та сторона творчества художника, которая связана с работой над иллюстрированием произведений русской классической литературы. В приложении к журналу «Огонек» выходили в свое время с иллюстрациями И. Глазунова собрания сочинений Н. С. Лескова, А. К. Толстого, П. И. Мельникова-Печерского, А. А. Блока, Н. А. Некрасова, и только что завершен выпуск 12-томного собрания сочинений Ф. М. Достоевского.

...Кадр за кадром раскрывает зрителям биографию и характер человека ищущего, целеустремленного, сложного, но цельного в главном: в своем служении искусству России, в своей верности однажды и навсегда выбранному призванию.

Крупным планом телекамера показывает лица слушателей. Снимается встреча народного художника СССР действительного члена Мадридской и Барселонской академий искусств И. Глазунова с любителями живописи. Герой фильма отвечает на записки из зала:

— То, что люди ходят на выставки моих работ или работ других художников, говорит только о том, что искусство необходимо человеку нашего времени, что он, общаясь с искусством, получает свою духовную пищу. А для художника это есть высший критерий и награда.

Рефреном в картине проходит нравственно-эстетическое кредо Ильи Глазунова — прекрасное в его понимании то, что правдиво. И еще — настоящий художник должен быть всегда озабочен ответами на два великих вопроса искусства: «Что?» и «Как?» И. Глазунов отвергает произвол холодного формотворчества, равнодушие фотографического натурализма и говорит об этом в фильме прямо, без обиняков. Говорит уверенно, убедительно, и телезритель соглашается с ним. Кадры живой беседы художника с публикой — одни из самых впечатляющих.

Полноте и достоверности создания на телеэкране образа выдающегося художника современности помогло участие в фильме народной артистки СССР Е. Образцовой, народного художника РСФСР Ю. Королева, члена Политкомиссии Компартии Чили В. Тейтельбойма, писателя В. Распутина. Народный артист СССР Ю. Яковлев проникновенно донес до телезрителя авторский текст.

— Воздействие Ильи Глазунова выходит за рамки искусства,— говорит в заключительной части картины Валентин Распутин,— своим творчеством он воздействует прежде всего на наши чувства и особенно те из них, которые имеют истоки в долгом и трудном пути отечественной истории. Человек, которому есть чем отозваться на эти чувства, непременно на них отзовется.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Юность...

Усадьба Щелыково.

А. Н. Островский в 1860 году.

Все сохранилось бережно на рабочем столе.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ

М. И. Царев — царь Берендей в «Снегурочке».

Корифеи Малого театра А. А. Яблочкина и М. И. Жаров.

В. Н. Пашенная.

Молодость...

ОСТРОВСКОГО

М. И. ЦАРЕВ,
народный артист СССР,
Герой Социалистического Труда

...Главное достоинство есть выразительность, экспрессия.

А. Н. Островский

Живым, всепроницающим взором смотрит на нас Островский.

Смотрит взором редкостно чистым, доверчивым, а в то же время будто вопрошающим:

— Какая ты, Россия сегодняшняя?— читается мне в этих нелукавых, добрых глазах.— Какие вы, люди, которых я не знал?.. Что в вас осталось от той прежней Руси, навсегда канувшей в прошлое? И ужели вовсе забылись, ушли в небытие, не оставив по себе и следа, все, кто любил, верил, страдал, пусть по-своему,— но как мог, как умел строил себя, либо губил в отчаянии и боли...

Островский, мнится мне, спрашивает нас об этом уже не первый раз. И мы всегда отвечаем ему, его героям своей постоянной верностью.

Новая юбилейная дата — сто шестьдесят лет со дня рождения великого драматурга — вновь подтвердила и беспримерную вечную молодость гения и неубывающую жизненную силу его образов. Более того, мне думается, что сперва с каждым десятилетием, а теперь, пожалуй, и с каждым годом — поскольку сама жизнь потекла гораздо стремительней — Островский, как Пушкин, все шире и просторнее раскрывает перед нами удивительно заманчивую **сложность** своей **простоты...** Позволяет, а кого и заставляет отыскивать в каждой своей пьесе воистину неисчерпаемую бесконечность жизни, воплощенной им всякий раз в неповторимых формах самой жизни... И если Пушкину предназначено было заложить основы всенародной русской литературы, то не менее грандиозным предначертанием Островского, его судьбой оказалось создание могучего русского театра, столь же необходимого народу для познания самого себя. Отсюда их общая, и тем роднящая их, доступность для народа.

Островский, как и Пушкин, до самой кончины был верен своему жизненному предназначению и не знал легкой жизни. Оставался борцом, бескорыстным и убежденным просветителем. Рыцарем без страха и упрека... В то же самое время он был ненавистен для царских чиновников и для «высшего света», тупо презиравших великого писателя и его театр за постоянный, непреходящий интерес к «низкому люду», к «плебеям», «нищете»...

Но, отвергаемый и гонимый «верхами», Островский открыл и утвердил навечно то главное, что и составляет бессмертную, вековечную силу театра: его **народность.**

«Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы,— категорически заявлял Островский.— Всякие другие произведения пишутся для образованных людей, а драмы и комедии — для всего народа; драматические писатели должны всегда это помнить, они должны быть ясны и сильны. Эта близость к народу нисколько не унижает драматической поэзии, а, напротив, удваивает ее силы и не дает ей опошлиться и измельчать. История оставила название великих и гениальных только за теми писателями, которые умели писать для всего народа...»

Поистине пророческие слова! Они очень точно определили развитие Театра, созданного самим Островским.

Сейчас это понимание заветной сути и главного предназначения искусства: с л у ж е н и е н а р о д у — является аксиоматическим (хотя, скажем в скобках, бывает порою и так, что о нем вдруг забывают)... Островскому же, который первым в своей стране создавал народный — именно народный русский театр,— приходилось терпеть и вражду, и глухое равно-

душие, непонимание. И он порою приходил в отчаяние... «Я задыхаюсь и задохнусь без хорошего театра, как рыба без воды»— это ведь поистине вопль скорбящей души художника!.. Но он не сдавался. Он часто и тяжело хворал, а едва поднявшись, снова принимался за свой титанический, нескончаемый труд. Ради театра, ради очередной задуманной пьесы или спектакля он перемогался, заставлял себя если не быть, так казаться здоровым... Страдая от постоянного безденежья, он всегда приходил на помощь людям нуждающимся. Многих незаметных «провинциальных» актеров он сделал знаменитыми. Отказывая себе и своей семье во многом, он непременно оказывал поддержку тем людям, в которых замечал хоть крупицу таланта. «У начинающих писателей,— говорил он,— только один и есть защитник — это я; я, как только стал на ноги, так и начал другим помогать. Я никогда никому не завидовал; при появлении нового таланта я всегда радовался и говорил: «Слава богу, нашего полку прибыло».

Но, по сути дела, этим могучим «полком», его главной созидающей и наступательной силой был он сам...

Русская пословица гласит, что, дескать, один в поле не воин. Знавший, как никто другой, меткие народные присловья, Александр Николаевич Островский, пожалуй, самим собою опровергал смысл этой поговорки и часто воевал вовсе в одиночку!.. Повседневная, часто будничная героика его самоотверженной жизни поражает воображение, являя всему человечеству поистине невиданный доселе пример постоянной, полной и цельной самоотдачи.

Но зато само искусство платило Островскому, набиравшему с каждой новой пьесой уверенность в том, что его труд нужен — и будет нужен!— людям. И уже сама по себе эта вера в свое дело была истинным признаком натуры героической. Гениальной. Ведь душно, тесно, бесприютно жилось героям Островского на «императорской» сцене, льстиво угодничавшей перед «высшим светом». А «высший свет» откровенно предпочитал развлекательные водевили, желательно переводные.

Островский, конечно, видел, что они «ловчее сделаны», но видел и то, что они «жертвуют правдой и стыдом, на что порядочный русский писатель не решится». Сам же он добивался от себя и других **знания жизни и знания правды.** Знания человеческой среды — всех условий, которые порождают типы, характеры, их борьбу.

Сейчас мы называем эти требования Островским пониманием и раскрытием социальной среды, порождающей и движущей самые сюжеты... Именно этим Островский и силен, именно это и сохраняет его пьесам вечную жизнь. Хотя он-то сам об этом говорил очень простодушно, что, мол, только «теоретики» могут выдвигать всякие идеи на этот счет; «у них нет конкретной поверки; а художникам нельзя: перед ними образы». Для Островского же образ — это всегда сама жизнь во всей ее сложности. И во всей правде.

Но вот вопрос: почему она не блекнет, не стареет, почему остается свежей и молодой, эта чудесная правда образов? Откуда у нас берется — и сохраняется — интерес к Островскому? Ведь все, кажется, переменилось, все прежнее ушло... В чем разгадка секрета?

Пожалуй, наиболее точно ответил на эти вопросы сам же Островский, заметив, что «пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим».

Ответ поражает своей глубиной. Своей мудростью. И с п р а в л я т ь людей искусством, не обижая, а зная, что есть и хорошее,— до чего же современно и до чего убедительно определяют эти слова нынешнюю — одну из главных, пожалуй,— задачу искусства сцены. Об этой ведь главной, **нравственной миссии театра** мы сегодня говорим и думаем...

Мы, люди театра, когда иной раз делаем попытку «осовременить» Островского, губим его мысль и его красоту. Попытки эти неизбежно ведут к провалу. Теряется главное — человечность. Какие же тогда могут быть Катерина в «Грозе», Лариса в «Бесприданнице», Юлия Тугина в «Последней жертве»... Пустые, безжизненные маски, и только... Пленительные простые русские женщины с их жаждой счастья и любви — они не теряют ни гордости, ни достоинства в сложных и тяжких обстоятельствах своего человеческого бытия; тем они интересны, дороги и сегодняшнему зрителю. Он видит жизнь родного народа, его нрав, его повадку. И он знает, чем можно гордиться, а что следует отбрасывать с гневом и презрением.

Впрочем, Островский даже в своих комедиях никогда не осмеивает человека только ради самого осмеяния. Художник всегда доискивается до п р и ч и н, до обстоятельств самой жизни, сделавших Кабаниху — Кабанихой, Глумова — Глумовым... Это ведь типы нарицательные. Но для Островского они **живые люди.** Им присущи свои беды, свои горести; и они не сразу стали тем, чем стали в конце концов. Взглянем на Глумова... Я по себе знаю, что Глумов — человек сложнейший, по-своему обаятельный. Играя этого «героя», я не только его понимал — я ему даже сочувствовал. Он умен, талантлив, находчив. Но беден. Сама жизнь заставляет его ловчить, жульничать, притворяться... Но стоит превратить все это в гротеск или отнять внутреннюю силу у «героя», как пропадет необходимая Островскому «натуральность», истинность чувств и поведения. Только они могут дать спектаклю необходимый ему блеск, обрадовать зрителя открытием характера н е з а у р я д н о г о. Таким играл Глумова на сцене Малого театра и знаменитый Ленский, а на сцене МХТ — Качалов.

Мне, впрочем, совсем небезразличен и образ Вышневского в «Доходном месте». Для меня этот человек, гибнущий среди опытных и умелых добытчиков, прожженных дельцов, заслуживает наказания за свои промахи, свою слепоту. Но зритель, думается, видит, что Вышневский и Юсов находятся по разные стороны добра и зла...

И что уж говорить о чувстве сострадания, которое вызывает у нас Островский по отношению к тем, кто еще сохраняет в себе хоть каплю совести, порядочности, кто не растратил себя в погоне за выгодой, за внешним, показным блеском.

Вот так Островский всегда остается глубоко внимателен и человечен по отношению к своим «персонажам». Это холодное, деловое слово — персонаж — для него обозначало неподдельную, горячую, полную переживаний жизнь всякого, пусть самого «малого» действующего лица.

Непревзойденным, неувядающим шедевром был и остается у Островского «Лес»... Когда на сцену Малого театра выходили Яблочкина— Гурмыжская и Улита — Рыжова, как же страшно и убедительно воскресали бездуховные и бесчеловечные отношения барыни-крепостницы и ключницы — крепостной слуги... И снова думаешь о том, что это ведь совсем уж давние дни, совсем и навсегда ушедшее прошлое. Так зачем напоминают драматург и театр... А затем, отвечает Островский, чтобы люди не просто знали, но **помнили** сердцем, душой. Чтобы чувствовали, к а к все это было.

Глубинный, особый историзм театра Островского — особая, очень серьезная тема. Скажу только, что жаль: многие исторические пьесы сейчас почти не играются...

В годы войны более 60 театров ставили пьесы Островского. Шли они и в самодеятельных коллективах... Нынешние годы отмечены новым интересом зрителя к драматургии великого писателя... Вспоминается мне и наш спектакль-концерт к 150-летнему юбилею. В том концерте я играл сцены из «Снегурочки». В этой чудесной пьесе-сказке Островский запечатлел чистоту нравов «простого» народа, красоту русской природы. И если знать Щелыково — небольшую усадьбу Островского под Кинешмой, то в «Снегурочке» угадаешь ее черты, простые и прекрасные... Там, в Щелыкове, Островский и умер от перенапряжения. Умер в своем кабинете, возле окна, распахнутого навстречу солнцу, лесу, ветру, голубому небу... Оставив поколениям бесконечность запечатленной им жизни...

ИНФОРМАЦИЯ

Владимир Якимов из СКА проводит занятие в дворовой команде «Смена». Фото В. Ахламова

«СМЕНА» ГОТОВИТ СМЕНУ

Несколько лет назад дворовая хоккейная команда «Смена» и команда мастеров СКА заключали между собой своеобразный договор. С того памятного дня прославленные хоккеисты Борис Петрович Михайлов и Владимир Владимирович Петров, нынешние наставники ленинградских армейцев, да и ведущие хоккеисты — частые гости на тренировках и на играх «Смены». Представляете, какая радость для ребят! И они стараются вовсю. В результате почти каждый год два-три игрока достаются армейской команде. Так, например, в этом году Женя Павлов и Денис Буданов надевают форму спортивного клуба.

И эта практика оправдывает себя. Так, заслуженный тренер СССР Н. Г. Пучков, готовящий к состязанию сборные юношей Ленинграда, назвал в числе кандидатов на участие в спартакиадном турнире-84 восемь сменовцев.

Таков сегодняшний день «Смены». Ну, а в его завтра мы заглянем с помощью председателя постоянной комиссии по физкультуре и спорту Василеостровского райсовета А. С. Борисова.

— Мы мечтаем,— говорит Андрей Сергеевич,— оборудовать для «Смены» спортгородок с двумя открытыми площадками искусственного льда. Ребята недавно ездили играть в Нарву, видели там такой городок. Вот и мы на улице Шевченко хотим такой же соорудить: с просторными раздевалками, душем.

А. ЭСТЕРЛИС

НЕДАРОМ ЗОВЕМСЯ «ЭВРИКОЙ»

Народный коллектив «Эврика» выступает в клубе Ехегнадзорского района (Армения)

Есть в Армении такой музыкальный ансамбль, который зовется «Эврика». Участвуют в нем люди самых разных профессий и возрастов. Художественный руководитель, солист и соло-гитарист Армен Адамян был, например, преподавателем немецкого языка, а когда ансамблю присвоили звание народного, стал штатным руководителем нашего районного Дома культуры. Супруга Армена — Айкануш Адамян — тоже работает в Доме культуры: она концертмейстер, играет на ударных инструментах и поет. У нас таких, на все руки, мастеров много! Например, вокалист Альберт Баятян работает на заводе, он слесарь высшей квалификации...

На ереванском международном фестивале «Политическая песня-80», посвященном 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина, «Эврика» удостоилась специального приза жюри.

Мы заняты постоянным творческим поиском нового, но очень близка нам красивая музыка. Огненная народная танцевальная мелодия и нежное многоголосие, классические гармонии и театрализованное представление, даже театр одного актера — все это у нас соседствует. Мы ищем новых открытий, потому и зовемся «Эврикой». Недавно закончили работу над сюитой «Возрождение» великого армянского классика Комитаса.

Евгений БОГАТЫРЕВ

Фото А. БОЧИНИНА

НА ВЫСОТЕ 203!

Главной героиней прошедшего зимнего легкоатлетического сезона стала Тамара Быкова: она выиграла на чемпионате Европы в помещении соревнования по прыжкам в высоту с небывалым результатом — 2,03 метра, превысив на 2 сантиметра прежний рекорд американки Колин Риенстра Соммер — и мировой рекорд на открытом воздухе, принадлежащий спортсменке из ФРГ Ульрике Мейфарт, превысив его на 1 сантиметр.

Преодолев в канун 8 Марта эту мужскую высоту, ростовчанка удивила мир. Летом 1955 года Юрий Степанов первым в стране преодолел планку на отметке 2,02, и вот спустя 28 лет Тамара Быкова, что называется, перепрыгнула прежний мужской рекорд.

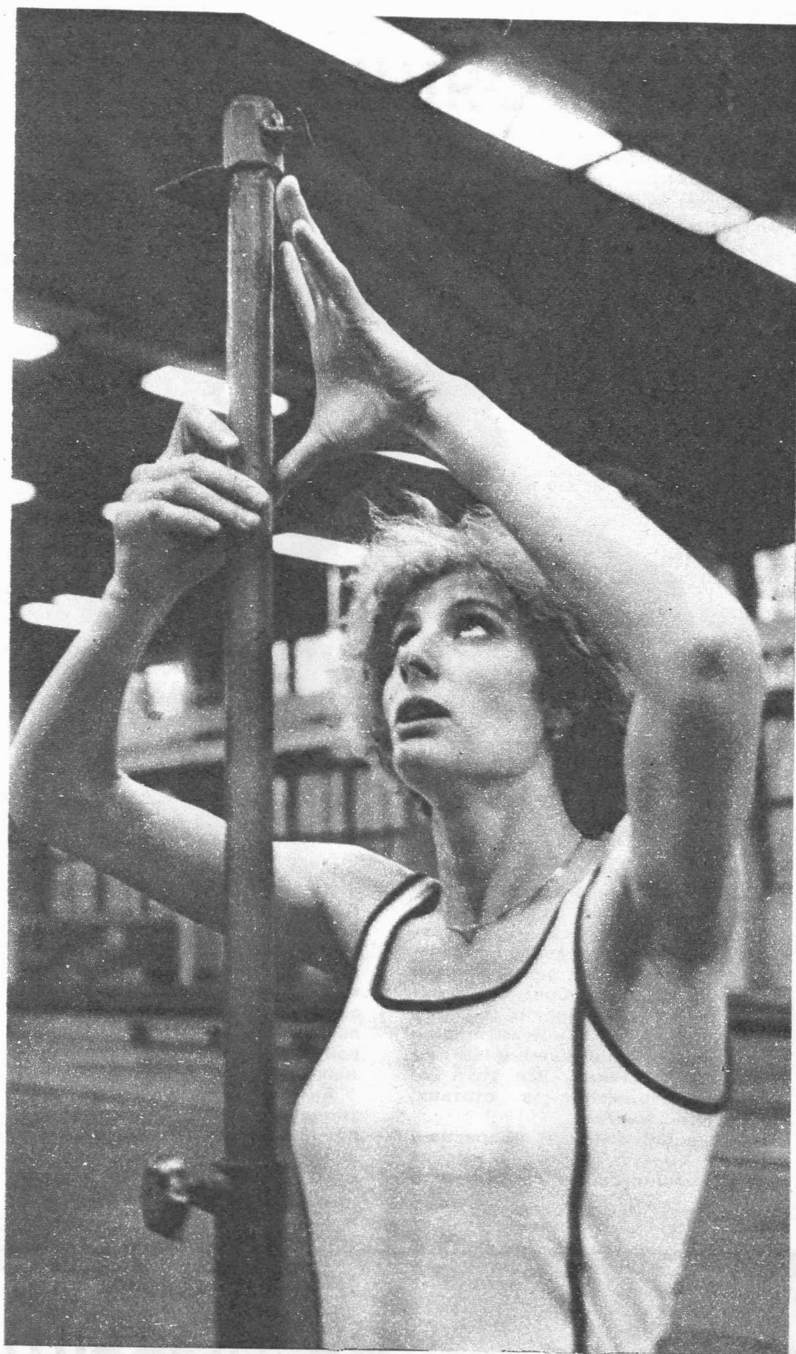
Великолепный прыжок Тамары Быковой был тем более сенсационным, что она слыла не слишком удачливой и очень долго пребывала в тени лучших прыгуний мира — итальянки Сары Симеони и Ульрики Мейфарт.

Почти десять лет шла Тамара к своему мировому рекорду. Как-то она поведала мне о своих горестях, и, хотя они давно уже позади, я все же хочу упомянуть о них, чтобы легче было познать истинную цену ее взлета.

В 16 лет, в том возрасте, когда многие «высотницы» уже стали «звездами» (Ульрика Мейфарт в свои 16 лет с результатом 1,92 выиграла Олимпийские игры в Мюнхене, а наша Марина Серкова, с именем которой мы долгое время связывали все наши надежды, брала высоту всего на один сантиметр ниже), лучший результат Быковой равнялся всего-навсего 1,55.

Казалось, на что ей было рассчитывать? Но, к счастью, Тамара не задумывалась над этим вопросом. Ей просто нравилось прыгать, и она прыгала для себя, для своего удовольствия, и часто снились не прыжки, а полеты. А потом, когда планка стала подниматься все выше и выше, наконец, проснулось самолюбие, и вот тут-то выяснилось, что ни физически, ни психологически Тамара к выдающимся прыжкам не готова. На тренировках она стала почему-то сбивать планку не только на больших, но и на низких высотах, и тренеры ростовского спортинтерната, куда шестнадцатилетнюю девушку приняли разве что из-за высокого роста (1,78), не знали, что с ней и делать. Другие девочки могли тренироваться по два раза в день, а у Тамары не всегда хватало сил и на одну полноценную тренировку. К тому же ее тяготила разлука с родными. («Я преклоняюсь перед своими родителями,— призналась она мне.— Какие это добрые, сердечные, скромные люди! Как они понимают меня! Знаете, с мамой у меня с четвертого класса отношения как с лучшей подругой, и я испытываю к ней не просто дочернюю любовь, а что-то более высокое».) И хотя до родного Азова был всего какой-то час езды, Тамаре казалось, что попала она совсем в другой мир.

В большом городе другой ритм, другой уклад жизни, но если подружки часто вечерами пропадали в кино и на танцах, то Тамара все чаще заглядывала в библиотеку. Страсть к книгам ей привил первый, азовский тренер — Юрий Алексеевич Артемов. Его любимыми литературными героями были люди, воплощавшие в себе рыцарство, благородство, доброту, и эти качества он старался воспитывать у своих учеников. Для Тамары и ее товарищей та первая легкоатлетическая секция стала и литературным кружком и школой жизни. Под влиянием Артемова, а также школьной учительницы литературы Людмилы Сергеевны Молажавенко девушка стала истовой книжницей и начала подумывать о профессии журналиста.

Каждый прыжок должен быть точно рассчитан.

Да, не только прыжки в высоту интересовали Тамару. В литературном кружке школы-интерната в ней сразу признали авторитет, к ее мнению прислушивались. Она никому не навязывала своих вкусов, а вот о тех, кто не нравился, не стеснялась говорить во весь голос.

Она умела убеждать товарищей (не случайно они избрали ее комсоргом), но тренеров интерната в своих спортивных способностях она никак не могла убедить. У нее совершенно разладился прыжок. И вот наступил момент, когда у тренеров лопнуло терпение.

— Или ты берешь завтра на соревнованиях хотя бы метр пятьдесят сантиметров, или мы отчисляем тебя из интерната,— сказали ей строгие тренеры после одного из занятий, на котором Тамара безуспешно пыталась одолеть эту скромную высоту. Каково же было их удивление, когда на следующий день девушка выиграла соревнования с лучшим результатом среди учениц интерната за последние годы — 1,65!

Для Тамары настало счастливое время. Раз за разом она прыгала все выше. Теперь от желающих ее тренировать не было отбоя. Но вот беда — результаты снова перестали расти. Тамара мечтала о настоящем наставнике, о человеке, на которого можно было целиком и полностью положиться, и судьба (в лице старшего тренера сборной по прыжкам в высоту Анатолия Стрижака) свела ее с таким человеком. Им оказался молодой тренер из подмосковного Одинцова Евгений Петрович Загорулько. Это он составил систему переподготовки Тамары, запланировав такие нагрузки, какие ей и не снились. Бывали дни, когда она с трудом добиралась до постели. Однако стоило ей закрыть глаза, и тренировка словно продолжалась. Да, продолжалась во сне! А потом наступал новый день, и надо было снова настраиваться на прыжки — уже не во сне, а наяву. И, кто знает, быть может, те ночные полеты, полеты во сне, помогли найти ей свой прыжок. Во всяком случае, через четыре с небольшим месяца после начала сотрудничества с Загорулько Тамара преодолела уже 1,85. Ее пригласили в главную команду страны, где сразу же начали нацеливать чуть ли не на двухметровую высоту, к которой она тогда — в 1978 году — еще была не готова. И вот результат: Тамара снова перестала прогрессировать, больше того, у нее начали падать результаты. Летом следующего года на матче СССР — ГДР она одолела лишь 1,83, а на VII летней Спартакиаде народов СССР не смогла выполнить даже квалификационный норматив. И в конце концов ее отчислили из сборной, но Евгений Загорулько не отказался от своей ученицы. Он помог ей обрести душевный покой, убедил ее в том, что она сможет легко преодолевать двухметровый рубеж.

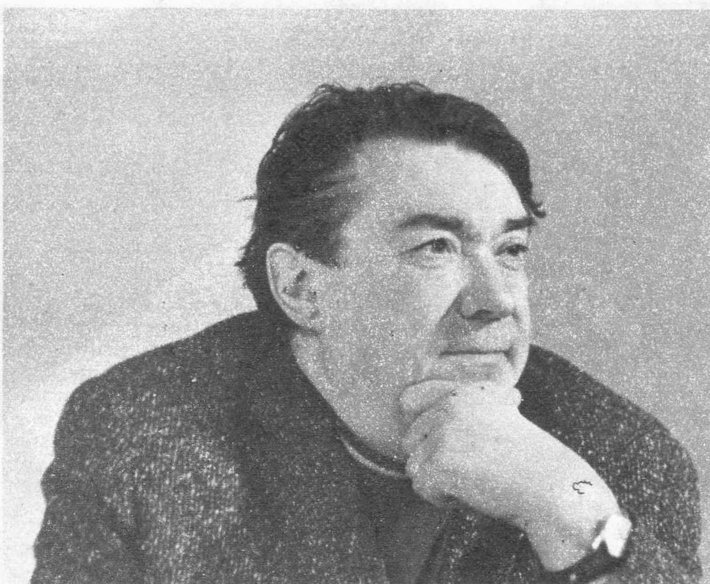
Год напряженных тренировок принес свои плоды. На Кубке мира 1981 года в Риме Тамара поднялась на вторую ступеньку пьедестала почета, на чемпионате Европы в Афинах вновь завоевала серебро, и вот наконец-то на зимнем первенстве Европы в Будапеште взлетела на высшую ступень пьедестала, удивив мир поистине космическим прыжком. А после возвращения из Будапешта Тамара Быкова выдержала еще один экзамен — стала студенткой Ростовского университета (до этого Тамара окончила педагогический институт), и теперь перед ней открылись новые высоты.

Евгений Загорулько и его ученица Тамара Быкова.

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Н. ПОЛЕВОГО

ПАМЯТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Героя своей первой и главной книги он встретил на фронте. Мир узнал их обоих: летчика Алексея Маресьева и писателя Бориса Полевого, чьи имена стали с тех пор нерасторжимы.

Есть некая глубокая внутренняя закономерность в том, что произведение это писалось быстро, на одном дыхании, и вышло в свет в 1946 году. Возрождение страны требовало огромной воли и огромного мужества. Подлинная история удивительного подвига преодоления, рассказанная писателем, вселяла в людей новые силы, окрыляла, звала вперед.

Так бывало и прежде. «Разгром», «Жестокость», «Как закалялась сталь», «Молодая гвардия»... «Повесть о настоящем человеке» встала в их ряд. И, подобно им, вот уже четвертое десятилетие остается любимой книгой молодежи, учит бороться и побеждать.

Героика жизни, героика созидательного труда определили круг тем последующих произведений Бориса Полевого: сборника рассказов «Мы — советские люди» (1948), романов «Золото» (1950) и «Доктор Вера» (1966). Вместе со вчерашними фронтовиками на их страницы пришли геологи, ученые, студенты послевоенного поколения. Перед ними — свои непростые задачи, свои нравственные дилеммы, но честность, бескорыстие, готовность к подвигу присущи им в той же мере, что и Алексею Мересьеву.

Репортерская жилка, непоседливость старого газетчика не раз уводили писателя в дальнюю дорогу. Верность журналистике он сохранил до конца дней, всегда был жаден до событий, стараясь не отстать от Времени. Ему доводилось колесить по заполярной тундре и по пустыням Средней Азии, гостить у сахалинских рыбаков и нефтяников Тюмени, подниматься к пограничникам на горные заставы... Все это нашло отражение в статьях, очерках, книгах.

Бывший военный корреспондент, присутствовавший на суде над фашистскими главарями в Нюрнберге, Борис Николаевич Полевой стал активным членом Всемирного Совета Мира. Его выступления звучали на крупнейших международных форумах миролюбивых сил, его острая публицистика, направленная против угрозы ядерной войны, появлялась в различных изданиях.

Активная общественная позиция писателя-коммуниста проявилась и когда он возглавил журнал «Юность». Под редакторством Полевого «Юность» завоевала новые массы читателей, расширила тематический диапазон. А сколько молодых литературных имен помог открыть зоркий глаз Полевого-редактора!

Его авторитет в редакции был непререкаем, но он никогда не давил своим авторитетом, умея создать в коллективе истинно творческую атмосферу. Прямота, строгость, взыскательность никогда не изменяли ему, и вместе с тем начинающий автор не чувствовал, что перед ним прославленный писатель, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственных премий СССР.

Наверное, в этом особенно сказалось чисто человеческое обаяние Бориса Полевого, яркость его натуры. И еще — молодость души. Пост главного редактора журнала «Юность», за судьбу которого он болел и которым продолжал руководить до конца жизни, на редкость подходил ему, несмотря на преклонный возраст.

Таково мнение всех, кто работал с Борисом Николаевичем или сталкивался с ним в редакции, принося рукопись. И это весьма знаменательно.

...Он ушел совсем недавно и сейчас мог бы отметить свой 75-летний юбилей. Он столько еще хотел успеть сделать! Казалось, годы не имели над ним власти, да он и сам их привык (а может, старался) не замечать. Но и того, что он сделал, хватит надолго. И главное — он был настоящим человеком: в жизни и в литературе.

Ю. ОСИПОВ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. Ф. КНОРРЕ

НЕ ПОВЫШАЯ ГОЛОСА

Обложка первой книги Ф. Ф. Кнорре, вышедшей в «Библиотеке «Огонька»

Исполняется 80 лет советскому писателю Федору Кнорре. По существующей традиции полагалось бы написать: известному, но стоит ли об этом писать в тех случаях, когда это действительно так? Кстати, мне кажется, что к так называемой известности он стремился менее других. Что это — черта характера? Или данный когда-то себе обет, превратившийся, переросший в черту характера?

Нет необходимости «подробно» представлять Федора Кнорре на страницах «Огонька», где он сам представляет себя в течение многих лет талантливыми рассказами: «Родная кровь», «Мать», «Соленый пес», «Кораблевская тетка», «Никому, никогда...» и другими.

Так случилось, что с «Огоньком» его связала судьба еще до войны, то есть более сорока лет назад. В «Библиотеке «Огонька» в начале 1941 года вышел рассказ Федора Кнорре «Твоя большая судьба», внешне — внутренне это совершилось много раньше — решивший и его писательскую судьбу.

Среди прочего судьба подарила Федору Кнорре писательское долголетие. Его более чем полувековая творческая биография — свидетельство и по сей день растущего мастерства писателя. Примером тому — написанная несколько лет назад высокая по мастерству и эмоциональному накалу большая повесть «Рассвет в декабре». Будто предчувствуя еще в молодости, что ему будет даровано это долголетие, Ф. Кнорре развивал свой талант неспешно, гармонично, но неуклонно, не пытаясь поразить воображение читателей описанием грандиозных действий и катаклизмов, что могло бы ускорить завоевание их сердец и умов. Известное изречение гласит: «Все приходит вовремя для того, кто умеет ждать». В одном из рассказов Ф. Кнорре пишет о своем герое: «Разве мы не похожи на заколдованные чудовища из театральной сказки Гоцци? Каким невзрачным и хмурым ты кажешься всем, кто не знает, что ты заколдованный красавец принц, которому нужно только, чтоб ему поверили и полюбили, и все увидят тогда, как грубая, шершавая шкура чудовища спадет с него на землю... Как сделать, чтобы тысячи людей... поверили, полюбили... увидели протянутые к ним руки — с любовью, жалостью, с жаждой нежно дотронуться до их сердец?»

Хочется отметить гуманистическую направленность творчества Ф. Кнорре, одним из проявлений которой является частое его обращение к образам детей. Я сейчас не имею в виду детскую литературу, которой он также уделил много внимания («Капитан кронус», «Соленый пес» и др.). Думаю, что истинный гуманизм поверяется отношением к детям. Во многих произведениях Кнорре героями главными, или по крайней мере равноправными со взрослыми, являются дети (может быть, это и есть истинное «взрослым о детях», которое так важно и которое часто мы недооцениваем). Он умеет видеть их глазами и психологически верно проследить ход их мыслей (мыслить по-детски нетривиально). Фильм по его сценарию «Родная кровь» получил на VI Международном кинофестивале в Аргентине специальный приз «За гуманизм в киноискусстве». Неслучайная случайность?

Федор Кнорре — писатель-психолог, с большим, можно сказать, преимущественным интересом к нравственным проблемам, к постановке которых у него есть свой особенный подход. Один из его героев наивысшей убедительности в общении с людьми добивается тем, что в отличие от других всегда говорит, «не повышая голоса, как с глазу на глаз». Мне кажется, что такая убедительность свойственна писательской манере Ф. Кнорре. Если правда, что читатель, обращаясь к художественной литературе, расширяет свой жизненный и нравственный опыт, стремится найти ответ на волнующие его вопросы, утверждается в правомерности своих сомнений или, наоборот, отвергает их, то, безусловно, это справедливо при общении с произведениями Ф. Ф. Кнорре. Подобно опытному врачу он общается со своими пациентами-читателями неспешно, «не повышая голоса», нравственно стабилизируя их.

В. САБИНИН

Вечер открыл октет Краснознаменного академического ансамбля песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова.

Празднично, торжественно прошел в Колонном зале Дома союзов концерт, посвященный 60-летию «Огонька». Редакция журнала сердечно благодарит артистов, принимавших участие в концерте, а также работников Москонцерта И. Н. Сафонова, Т. С. Новацкую, Г. А. Ионову, которые организовали интересную и содержательную программу.

«Арагонская хота» Массне в исполнении солистов Государственного академического Большого театра Союза ССР народной артистки СССР Н. Тимофеевой и В. Анисимова.

Сатирический монолог в исполнении лауреата VII Всесоюзного и Московского конкурсов артистов эстрады Е. Шифрина.

На сцене — артистка Государственного Малого театра Союза ССР, народная артистка СССР Э. Быстрицкая.

Концерт вела заслуженная артистка РСФСР Д. Григорьева.

Заслуженный артист ТАССР Г. Бальян.

Поет народный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола И. Кобзон.

Тепло, задушевно прозвучали украинские народные песни в исполнении заслуженной артистки УССР Н. Матвиенко.

Музыкальные пародии в исполнении лауреата Всероссийского конкурса артистов эстрады В. Винокура.

Темпераментным, ярким было выступление заслуженной артистки Молдавской ССР М. Кодряну.

Поет народный артист СССР В. Пьявко.

Лауреаты VII Всесоюзного конкурса артистов эстрады М. и В. Скиженок и Ю. Замятнин.

Куклы заслуженной артистки РСФСР Н. Степановой и народного артиста РСФСР И. Дивова всегда вызывают улыбки зрителей.

ИСКЛЮЧЕНИЕ

Габриель ГОЦМАН

(Чехословакия)

В нашем красивом древнем городе есть старинная центральная часть. В ней узкие, кривые улочки, красочные домики, статуи и скульптуры, арки, действующие фонтаны и маленькие, но очень зеленые скверики. И вот городской совет принял мудрое решение — запретить въезд автомобильному транспорту в эту историческую часть города.

Все горожане единодушно приветствовали столь разумное решение. Действительно, значительно снизится шум, автомобили не будут чадить голубовато-черным дымком в окна жилых домов и учреждений, гипсовые статуи не будут разрушаться от едких испарений выхлопных газов. И только депутат городского совета Томаш Вртак сомнительно покачивал головой.

— А что, если какому-нибудь автомобилю необходимо будет въехать в эту часть города? Скажем, «Скорой помощи» к больному или пожарной машине?

И городской совет снова поступил мудро, создав бюро для выдачи разрешений автомобилям на въезд в виде исключения в старую часть города.

Первыми посетителями новой организации стали все жители закрытой для въезда части города. Разве они могут оставлять машины, особенно на всю ночь, где-то на «окраине»? Машины должны парковаться у домов их владельцев.

Бюро рассмотрело заявления и приняло положительное решение. В виде исключения. Следующими посетителями, требовательно постучавшими в двери бюро, были заместители директоров магазинов и прочих торговых точек.

— Как вы все это себе представляете?! Товары, продукты в магазины мы должны тащить на собственном горбу или перевозить на велосипедах? Сделайте нам исключение.

Бюро сделало. Следующими пришли таксисты.

— Уважаемые товарищи! Как вы думаете, если пассажиры попросят подвезти их на улицу Руин, мы должны остановиться перед запрещающим знаком и предложить: «Последние сто пятьдесят метров пройдите, пожалуйста, пешком». Вы полагаете, что чаевые мы в этом случае получим? Особенно если у пассажира багаж или тяжелая ноша.

Бюро задумалось... Но размышляло не очень долго. Заскрипели перья, заухала печать, и новые исключения увидели свет. Сотрудники облегченно вздохнули. Теперь-то должно быть спокойно. Но покоя не было. Дело в том, что каждый из сотрудников имел родственников, друзей, друзей родственников и родственников друзей. И все они были одержимы стремлением попасть в исключение и ездить именно через закрытую для проезда территорию города.

Наконец, у бюро было и свое вышестоящее начальство, которое в целях экономии бензина попросило сделать исключение. Теперь их лимузины пересекали город во всех направлениях. В результате во всем городе остался только один автомобиль, не попавший в исключение. Им оказался я. Мне это не давало покоя, и я с трудом купил гараж в закрытой части города. И тут же в связи с этим потребовал включить меня в число обладателей разрешения-исключения. В бюро меня встретили вежливо, и я получил вежливый отказ:

— К сожалению, не можем ничем вам помочь. Куда бы мы докатились, если бы все без исключения вошли в исключение! А центр города должен быть чистым, парки — зеленеть и оставаться «легкими» нашего города. Согласие на исключение мы вам не даем!

Это было поражение. Ведь теперь исключением оказался я сам! Все, кроме меня, имели разрешение на въезд в заветную зону города. Я почувствовал приступ язвенной болезни. В этот момент мне кто-то что-то подсказал. Взял я конверт, вложил в него банкноту и зашел к референту. Процедура была короткой, и я перестал быть исключением...

Перевел со словацкого В. ОБУХОВ.

Юмор

◄ — Узелок на память: не забыть бы пруд почистить.

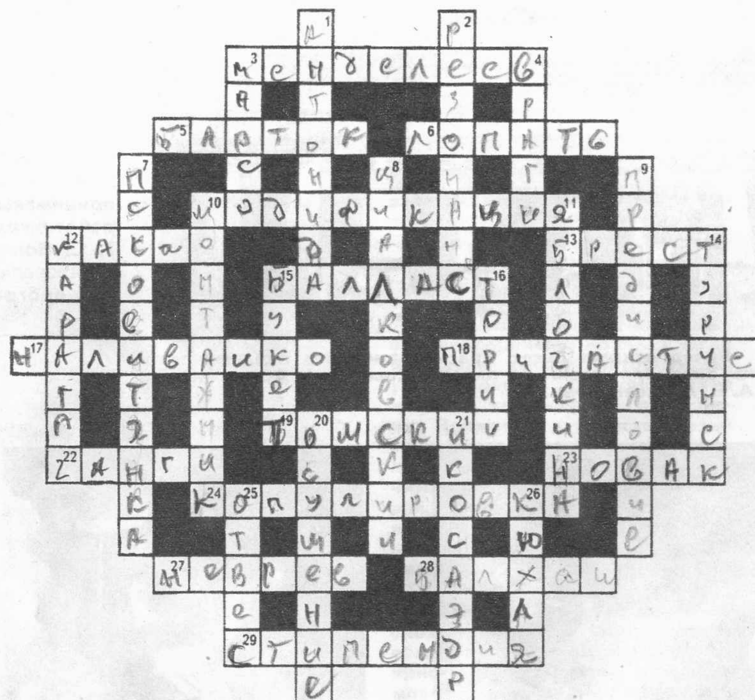

— Животные этой породы выглядят вот так...

Рисунки В. ТАМАЕВА

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Ученый, открывший Периодический закон химических элементов. 5. Венгерский композитор, пианист. 6. Река, впадающая в озеро Ильмень. 10. Видоизменение. 12. Шоколадное дерево. 13. Крепость-герой. 15. Слой сыпучих материалов на земляном полотне железнодорожного пути. 17. Руководитель антифеодального восстания в XVI веке на Украине и в Белоруссии. 18. Глагольная форма. 19. Скульптор, народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 22. Грузинский многострунный музыкальный инструмент. 23. Тяжелоатлет, первый советский чемпион мира. 24. Способ прививки фруктовых деревьев. 27. Художник-передвижник. 28. Озеро в Казахстане. 29. Регулярное денежное пособие студентам.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Действующее лицо оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин». 2. Резкое возрастание амплитуды колебаний. 3. Французский актер-мим. 4. Пьеса М. Горького. 7. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 8. Ученый, основоположник современной космонавтики. 9. Вступительная часть научного труда, литературного произведения. 10. Специалист по сборке и установке машин, сооружений. 11. Народная артистка СССР, выступавшая в Малом театре. 12. Лиственное дерево, вид вяза. 14. Город в Свердловской области. 15. Красиво подобранные цветы. 16. Радиоактивный химический элемент, металл. 20. Вид мелиорации. 21. Правильный многогранник. 25. Груз на тонкой нити для определения вертикального направления. 26. Роман Ю. Н. Тынянова.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Палатка. 6. Антракт. 8. Килограмм. 10. Вобла. 12. Опока. 14. Кутахов. 16. Хром. 17. Иори. 18. Осциллограф. 19. Уран. 21. Очко. 23. Тунайча. 24. Глава. 26. Пяндж. 27. Рефрактор. 30. Арлекин. 31. Браслет.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Лайка. 2. Рамо. 3. Жанр. 4. Трюмо. 5. Пуловер. 7. Трактор. 9. Гвадалахара. 11. Лермонтов. 13. Полифония. 14. Концерт. 15. Витрина. 20. «Разлука». 22. Квадрат. 25. Артек. 26. Просо. 28. Ринг. 29. Куба.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Еще один автограф. На снимке: Тамара Быкова, рекордсменка мира по прыжкам в высоту. (См. в номере материал «На высоте 203!»).

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весна в Окском заповеднике. Современные «деды Мазаи» — младший научный сотрудник В. В. Лавровский и лаборант Ю. П. Зацепин.

Фото Ю. Кавера

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 28.03.83. Подписано к печати 12.04.83. А. 00655 Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 868. Заказ № 338.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

МОРАЛИСТЫ-ИМПЕРИАЛИСТЫ

Понастроили боссы военные базы,
Посылают войска и оружие вдаль,
В арсеналах таят ядовитые газы —
Но другим громогласно читают мораль.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

Стихи Николая ЭНТЕЛИСА

Бор. Е. - 83.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663